ДОЧЬ КУЗНЕЦА

(ПОЭМА).

С. С. Михайлов.

ТОМ I.

НЬЮ ИОРК.
1922.

ДОЧЬ КУЗНЕЦА.

(П О Э М А).

С. С. Михайлов.

Первое издание.

ТОМ I.

Цена 60 с.

Издание автора.
Нью Йорк.
1922.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

По раздолью океана,
По стремнинам бурных волн,
Без руля, без капитана
Мчится мой убогий челн.
Я, в раздумье погруженный,
На челне своем сижу;
Небесами окруженный,
В даль безбрежную гляжу.
Буря громко напевает
Песнь суровую свою
И напевами ласкает
Душу мрачную мою.
И душа моя, внимая
Песне бури, шуму вод
И, безбрежность обнимая,
Вдохновляет весь народ.
Солнца свет и блеск лазури
Пали ниц к моим ногам;
Мчит меня стихия бури
К неизвестным берегам.
Взяв рукою смелой лиру
На колени, я пою
Звукам внемлющему миру
Песнь священную свою.

С. С. Михайлов

ДОЧЬ КУЗНЕЦА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

В той стране глухой, широкой,
Где цветут ковры лугов, —
В страшном мраке, тьме глубокой,
В царстве рабства и оков;
Там, где роскошью природы
Все края одарены,
Где шумят и плещут воды,
Жизнерадости полны;
Где когда-то наши деды,
Все в седую старину
Знали горе, голод, беды,
Все сдавали в ту казну,
Где монарх брал миллионы;
Строил чудные дворцы,
Для богатых пансионы,
А для бедных — кузнецы
Цепи крепкие ковали,
Над толпой висел кошмар,
И страною управляли
Злые крестники татар:
Непокорных подчиняли
Силой власти и кнутом

И жестоко истязали
Зверской пыткой и хлыстом;
Там, где было слишком бедно,
И царила только тьма,
Было изгнано бесследно
Просвещение, — тюрьма
Храм науки заменила
Для невольных бедняков
И безжалостно томила
Целых несколько веков;
В той стране, где в наши годы
Пролетарий и мужик
Выносили все невзгоды,
Прикусив себе язык;
Где вино лилось рекою —
Пили водку и коньяк,—
Обездоленный судьбою
Жил там юноша — батрак.

* * *

Не богат он был годами,
Но умом уже созрел,
Смело спорил с стариками,
Пред начальством не робел.
Он был пылок, но застенчив,
И напрасно не болтал,
Строг, серьезен, неизменчив,
Чист душою, как кристалл.
Скверной жизни он чуждался,
Был противник кабаков,
Дух в нем воли пробуждался,
И в груди кипела кровь.

* * *

И косил ли он косою
Рано утренней порой

Напоенную росою
Травку летом за горой;
Скородил ли он быками
Поле в долгий знойный день,
Иль на ниве с батраками
Собирал сухой ячмень;
Жал ли рожь или пшеницу
Притупившимся серпом,
Или юную девицу
Провожал он вечерком;
Шел ли ночью одиноко,
Иль друзьями окружен, —
Он был в мысли так глубоко,
Как философ, погружен.

* * *

И какие мысли рылись
В буйной, юной голове,
И к чему они стремились
Расскажу я в сей главе.
Но позвольте мне, читатель,
Вам о том лишь рассказать,
Где рожден был наш приятель,
И ту местность описать,
Где жил юноша убогий,
Как он время проводил,
И за что папаша строгий
Сына страшно не любил.

* * *

Может быть, что вы бывали
Там, на Волге, где он жил,
И не раз его видали,
Как по рощам он бродил;
Но тогда ведь вы не знали,
Что в деревне, средь лугов

Жил, как мы его прозвали,
Петр Иванович Добров.
Он провел младые годы,
Юной силы не щадя,
На ковре златой природы.
Был сам Бог ему судья.
Кое-как он научился
Сам по библии читать,
Против рабства возмутился, —
Стал неправду бичевать.

* * *

Злые люди не взлюбили
Петю: сделали донос,
И в управе все решили
Вызвать Петю на допрос.
Петр явился, не робея,
Пред начальством рассказал,
Что он книги все Моисея
В старой библии читал,
И посланье Иоанна
Часто в чтение включал,
И священника Степана
В богохульстве обличал.
Пете строго пригрозили,
Чтобы книг он не читал —
И на волю отпустили;
Петр читать не перестал.

ДЕРЕВНЯ.

Вот деревня средь долины, —
Захолустный уголок,
Распростертые равнины,
Петр средь них — как мотылек.
Деревушка пребольшая:
Триста тридцать пять дворов,
Кабачок один, пивная —
Много пьяниц и воров.
Деревянные избушки
Покосившися стоят,—
Их печальные верхушки,
Как старушки, вниз глядят;
И соломенные крыши
Раздувает ветерок;
В них стадами ходят мыши
Вечно вдоль и поперек.
Всюду семьями теснятся
Миловидные сады,
И природы в них ютятся
Первобытные следы.
Развиваются березы,
Вязы, липы, черемха,
У кого-то рдеют розы,
За гумном растет ольха,
А вокруг деревни — нивы
И дремучие леса;
Старый дуб, младые ивы
И прелестная краса
Чудной, славной, сероокой,
Гордой матушки—реки,
Где толпой страны широкой

Молодые бурлаки
Звонкой песнею родною
Нежно трогают сердца...
Тянут лямку чередою
Под нагайкою купца.

* * *

Скучно время Петр проводит,—
Он — в тоске по вечерам
И мечтами где-то бродит
По далеким городам.
Счастья здесь он не предвидит;
Он в деревне одинок
И ужасно ненавидит
Этот скучный уголок.
Слишком грустно, монотонно,
Тьма кромешная царит;
Жизнь течет неблагосклонно,
И свобода крепко спит.

* * *

Постоянная неволя,
Горе, голод, рабский труд,
Слезы, мрак, лихая доля —
Отпечаток свой кладут
На пытливый ум Доброва,
И со скорбью он глядит
В даль туманную сурово
И в груди своей хранит
Дух решительный, здоровый:
Корень будущей судьбы,—
То, что крепкою основой
Станет в жизни для борьбы
За насущный хлеб и волю,
Братство, равенство, любовь,

Мир народов, лучшу долю,
Равноправие рабов.

* *
*

Он не знает, кто коснулся
Глубины души рукой,
Но он слышит, что проснулся
Дух в груди, зовущий в бой.
В бой вступить он не боится
С беспощандым злым врагом,
Но решает научиться
Раньше действовать штыком,
Саблей, пулей и булатом,
Управлять лихим конем
Быть решительным солдатом
И владеть своим копьем.

* *
*

Ярким пламенем пылая
Сердце чуткое в груди
И вперед его толкая,
"Петр" кричит ему, "иди!
Вдаль, туда, где жизнь иная
Золотым бурлит ключом,
Служит истина святая
Для рабов в бою „кличом"
Вечным, громким и священным,
Как пасхальной ночью звон,
И могучим, вдохновенным,
Как стихия бурных волн."
Мыслью Петр вдали блуждает,
К миру громко говорит,
Раболепство осуждает...
Злобой мести он горит.
А отец его усталый,
Духом нищий человек

И в культурности отсталый,
Доживает рабский век.

* * *

Мысли сына возмущают
Пожилого старика
И во сне его пугают,
Но беда не велика:
Он нотации читает,
Как семейный патриарх,
И Петра в том уверяет,
Что был Богом дан монарх.
Пред иконами "святыми"
Ставит свечи в праздный день
И молитвами пустыми
Прославляет неба тень.
Перед каждою иконой
Признается он в грехах,
Как в пустыне отдаленной
Перед смертию монах.

* * *

Сам себя он изнуряет,
Громко к Богу вопиет,
К небу руки простирает,
Милостыню раздает,
Чтобы нищие молились
Перед тройцею святой,
Чудотворцу поклонились,
Чтобы сына ум больной
Он с обители небесной
Божьей силой исцелил
И рукой своей чудесной
Дух опасный истребил.
Но молитвам не внимают
С неизвестной высоты,

И Петра не оставляют
Вдохновенные мечты.

* * *

Очи старца не смыкают,
И душа его не спит,
Муки грудь его терзают,
И к ворожке он спешит.
Вот ворожка вынимает
Карты — старцу ворожит.
Он покорно ей внимает
И от страха весь дрожит,
—В доме, друг, твоем — тревога
И тяжелая печаль,
И для кровного дорога
Предстоит в плохую даль...
Если карты врут — я тоже,—
Ворожбитка говорит:
— Но всевышний, милый Боже,
Кто ж в сем мире не грешит?—
И ворожка довершает
Горе бедного отца.
Он слезами орошает
Щеки бледного лица.

* * *

Но отец свою идею
Привести решил к концу,
И идет он к чародею—
Мировому мудрецу.
Вот он в дом к нему заходит
И садится за столом.
Чародей его обводит
Взглядом пламенным кругом.
— Я пришел к тебе с мольбою,—
Еле он промолвил вдруг:

— Я наказан злой судьбою;
Помоги мне, милый друг!
— Ну, приятель, в чем же дело?
Расскажи свою беду;
Говори открыто, смело,
И на помощь я приду
— У меня сынок, родимый,
Злой тоскою удручен,
Заблуждением томимый,
Вечно в мысли погружен.
— В мире все для нас пустое,—
Продолжает чародей,
— Хоть явленье не простое
В сей оказии твоей.—
Чародей бормочет, плюет,
Из подлобья все глядит
И на рюмку водки дует —
Точно в ней беда сидит.
И по книге он читает,
И губами шевелит,
А старик сидит, вздыхает...
Сердце бедного болит.

* * *

Будьте, дедушка, покойны,—
Говорит он старику:
— Мной вы будете довольны:
Сын в убогом уголку
Будет жить и любоваться
Старой хатою твоей,
Постоянно восхищаться
Скромной жизнию своей;
Все мечты свои забудет,
Станет города врагом
И трудиться вечно будет

На хозяйстве дорогом.
Будет сыном он покорным
И послушным навсегда,
Деловитым и проворным,
И хранителем "гнезда;"
И отцом он скоро станет,
Будет деток колыхать,
Вовсе думать перестанет,—
Будет жить да поживать.

* *
*

Много радости даставил
Старику сей чародей,
И старик ему оставил
Труд тяжелый долгих дней.
Старикашка возмутился
И с досады захворал,
Как обратно возвратился,
И по прежнему застал
Сына мыслью упоенным,
Строго преданным мечтам
И надеждой обольщенным,
Что он будет где-то там,—
Где наука торжествует,
И сверкает правды свет,
Пролетарий протестует
Против рабства долгих лет;
Там, где можно научиться,
Как судьбою управлять,
Или с жизнью распроститься,
Или миру доказать,
Что рабы уже имеют
Право жить и процветать,
Управлять собой умеют
И — друг друга уважать.

Ни ворожка, ни моленье,
Ни премудрый чародей,
Ни коленопреклоненье
Пред иконами церквей,
Ни сподвижники святые
Старику не помогли
Улучшить дела плохие,
Потому что не могли.
Сын его не изменился,—
Дух отчаянной борьбы
В нем кипел, огнем искрился,
И покорные рабы
В нем презренье вызывали,
Угнетающее грудь;
Но надежды обольщали
И указывали путь
Вдаль ему, к большому бою,
Где течет река—Нева,
Где готов он головою
Отстоять свои права.

* * *

Как ребенка, мать ласкала
Сына славного — Петра,
Горько плакала, вздыхала
Каждой ночью до утра:
Сердце билось, трепетало,
Волновало сильно грудь,
Море скорби изливало,
Не давая ей вздохнуть.
Ради матери родимой
Петр готов был век страдать;
Кроме мысли им любимой,
Ей готов был все отдать.
Мысль заветную лелея,

Он в нее был погружен;
Пред судьбою не робея,—
Для борьбы он был рожден,
Жизнью он не наслаждался
Средь безжизненных людей;
Он мечтами увлекался
И всегда искал идей.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ОСЕНЬ.

Осень с шумными дождями
Рано в гости к нам пришла
И холодными ногами
По ковру земли прошла;
Все дубравы обнажила
И дремучие леса,
И туманами покрыла
Голубые небеса.
Всюду пашни опустели,
Птицы в рощах не поют:
Все куда-то улетели —
И нашли другой приют.
Буйный ветер завывает,
Дуб развесистый шумит,
Луг зеленый замирает,
Ручеек в кустах журчит,
У подножья вишен сада

Листья желтые лежат,
Сеет острая прохлада;
Люди жмутся и дрожат.
Над землей повисли ночи
И суровы и темны,
И закрыли неба очи,
И прелестный свет луны.

* *
*

Под крылом ночной зеницы
По осенним вечерам
Круглолицые девицы
Веселятся по избам.
Парни юные гуляют,
Пьют казенное вино,
Пламя горя заливают;
Мрак ночной глядит в окно.
Плач, неволя, крови море
И тяжелый рабский стон,
И томительное горе —
Все теперь для них, как сон.
В их сердцах бушует радость,
Жизнь цветет, как василек,
И ручьями льется сладость
В их убогий уголок.

* *
*

Слышен хохот гордой девы,
И ломается ловкач,
Разливаются напевы,
Тешит душу скрипки плач.
Нет здесь камней ожерелья,
Не красуется жемчуг,
Но исполнена веселья
Жизнь отрочества подруг.
Но Доброва на просторе

Жизнь не весело течет,—
Давят мысли, мучит горе,
И тоска его грызет.
Не дает ему покоя
Пробудившийся в нем дух:
На борьбу зовет героя
В пролетарский тесный круг.

* *
*

ЗИМА.

Белый снег, как покрывало,
На земле уже лежит;
Реки крепко заковало,
И в окно мороз стучит.
Ветры северные дуют,
Завывают за углом,
Вихри буйные бушуют,
Снег сметают за селом
И туманными столбами
Мчат к убогим хижинам,
И высокими горами
Насыпают по дворам.
Буря мглою покрывает
Голубые небеса;
Снег в порфиру одевает
Рощи, чащи и леса.
Но суровый налетает
Ветер, — ветки шевелит —
И деревья обнажает:
Снег под ноги им летит.

Но вот буря затихает;
Лед, как зеркало блестит,
Снег алмазами сверкает
На поверхности ланит.

* * *

Сумрак ночи заменяет
Проходящий скоро день
И по полю расстилает
Тьмы чернеющую тень,
Жизнь как будто замирает,—
Люд спокойно всюду спит.
Даже пес нигде не лает.
Все затихло, все молчит.
Так проходит ночь немая —
Запоет в избе петух,
И мужик, ему внимая,
Надевает свой кожух,
И молитву тихо шепчет,
Зажигает свой фонарь;
Бросив спичку, лаптем топчет —
И идет в пустой амбар;

* * *

На гумно вывозит сани,
Запрягает в них коня,
О плеча бьет крепко длани,
Чтоб согреть их без огня;
На поляну уезжает
Рано утром, чуть светок;
Клячу быстро погоняет,—
Едете, едет... вот и стог.
Сена воз он набирает —
Произносит громко "но" —
И чрез час уж заезжает
На помещичье гумно.

Распростертыми коврами
Твердый снег вокруг лежит
И под смелыми ногами
У прохожего хрустит.

* *
*

День за днем зимы уходит,
Исчезая в пустоте,
И крестьянин жизнь проводит
В безмятежной темноте.
Нет разумных размышлений.
Тяготит всех старый нрав;
Нет веселых развлечений,
Нет и жизненных забав.
Вечеринки, песнопенье,
Танцы юношей в избах
И пустое сновиденье,
И гаданье на бобах, —
Все уж слишком устарело:
Нет в нем жизненных отрад,
И народу надоело
Жить в стране глухих оград.
Никогда не озаряет
Свет науки сей предел;
Жизнь во мраке протекает,
И вампир рассвирепел.

* *
*

"Эх... когда же просияет
Яркий свет в моем окне,
Счастье жизни засверкает
В этой скучной тишине;
И когда меня вы, думы,
Унесете в те края,
Где мечты мои угрюмы
Разнесет судьбы струя;

И когда я в бой отважный
С неприятелем вступлю,
И его отряд продажный
В прах ничтожный распылю;
И когда же я на воле
Грудью полною вздохну,
И на чистом, вольном поле
Богатырским сном усну".

* * *

Эти мысли волновали
Батрака наедине
И нередко занимали
Ум Доброва и во сне.
Жить Петру в деревне трудно:
Нищета его гнетет;
Одевается он скудно,
Плохо кушает и пьет.
И, как годы, протекают
Дни холодные зимы;
Грусть и скуку навлекают...
Каждый день он ждет весны.

* * *

ВЕСНА.

По земле уж прокатила
Долгожданная весна
И природу пробудила
От томительного сна.
Белоснежными цветами
Покрываются сады,
Под младыми лепестками

Зарождаются плоды.
И зеленою листвою
Шевелит дремучий лес,
И порфирой голубою
Уж покрыт весь свод небес;
И богатыми коврами
Застилаются луга,
И вода реки волнами
Лобызает берега.
Славно нива серебрится
В волнах нежной красоты;
Ручеек вдали струится
Сквозь зеленые кусты.
Солнца яркими лучами
Весь ковер земли залит;
По скалам вода ключами
Из источников бежит.
Роща дивно зеленеет,
Заростая муравой;
Ветерок прохладой реет
Над ее младой главой.

* * *

Птицы снова прилетели,
Хлопотливо гнезда вьют
И лесами завладели,
И торжественно поют.
Уж давно затихли бури,
И покрылся небосвод
Светлой мантией лазури,
И блестят ланиты вод.
И пшеницу яровую
Землепашец за сохой
Сыплет в рыхлую, сырую
Землю смелою рукой.

И на ветке распевает
Звонко милый соловей;
Аромат благоухает
Васильков среди полей.
Чайки стаями летают,
И в лесу кричат грачи;
Беззаботные играют
На террасе барычи.
Жизнь для них — одна отрада:
Нет ни скорби, ни забот;
Льется щедрая награда
Без томительных работ.

* * *

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ПАВЕЛ ТИХОНЫЧ ОРЛОВ И ЕГО СЕМЬЯ.

Вот в деревню приезжает
Старый с севера кузнец;
Сталь, железо расплавляет
Новой техники мудрец.
И в руке его усталой
Ловко ходит молоток.
Человек он славный малый
И политики знаток.
И, как роза расцветая,
Рдея раннею весной,
Дочь—Мария молодая
Мир чарует красотой.
И смиренная супруга —
Благородная жена,

Драгоценная подруга —
Миловидна и умна.
Много горя уж узнала
Эта добрая семья
И за правду пострадала;
Сколесила все края;
И давно уже решила
На судьбу рукой махнуть,
И в деревню прикатила,
Чтоб немножко отдохнуть.

* * *

Все в деревне пьют, гуляют,
То от радости, то так...
С горя время провожают,
Завалившися в кабак.
Парни, девицы младые
Беззаботно жизнь ведут,—
Как родители седые—
В кабачек гулять идут.
Весело поют, играют
И танцуют до утра,
И по рюмке выпивают,
Только с ними нет Петра.

* * *

Петр Иванович скучает
За работой у отца,
На досуге посещает
Дом в деревне кузнеца.
Все Доброва обожают
Люди новые в глуши
И прекрасно понимают
Страсть его младой души.
Петю сразу полюбила
Кузнеца младая дочь,

Но любовь в душе хранила
Глубоко и день и ночь.

* * *

И мечтами увлеченный,
Петр любви не замечал
И, всем домом восхищенный,
Всех любил и обожал.
Для него был дом блаженным
Многостраждущих людей
И источником священным
Вдохновительных идей.
В нем хранились: счастье, радость
Для младого батрака,
Как на лоне моря сладость
Векового рыбака.

* * *

С молотком за наковальней
Стал он время проводить
И о жизни социальной
С добрым другом говорить.
Пот с него катился градом
От тяжелого труда,
Но сей труд явился кладом
В драгоценные года.

* * *

Любознательный читатель
Наверное рад узнать,
Как известный наш приятель
Кузнеца стал называть.
С уваженья он папашей
Друга часто называл
И жену его мамашей
Добродушно величал.
А по спискам друг сей звался,—

Павел Тихоныч Орлов;
По Руси святой скитался
И к рабам питал любовь.
А по книгам учреждений
Приказал могучий царь
Отмечать, что убеждений
Он — опасных и бунтарь.
А жену его Еленой
Поп какой-то окрестил,
И создатель всей вселенной
Добрым сердцем наградил.
Дочь возлюбленная — Маша —
И прелестна и мила —
Героиня жизни наша
В доме ангелом была.
И родители ласкали
Дрогоценное дитя,
И прекрасно воспитали,
С ней играя и шутя.

* *
*

О великой героине,
Чтоб запомнить навсегда,
Мы слегка заметим ныне,
Что для нас она — звезда.
А о подвигах Орловой,
Тесно связанных с Петром,
И судьбе ее суровой
Побеседуем потом.

* *
*

МАРЬЯ ПАВЛОВНА ОРЛОВА.

Сумрак вечера приходит,—
Петя с Машею сидит
И очей с нее не сводит,—
Как орел в упор глядит.
И глаза его, как свечи
Пред иконами горят,
Маши пламенные речи
Чувства Пети шевелят.
Он пред нею замирает,
Притаив в груди свой дух,
И с восторгом ей внимает,
Напрягая чуткий слух.
Не могла такая радость
В глубине души уснуть,
Коль вливалась жизни сладость
В счастья жаждущего грудь.

* *
*

Средь туманов и ненастья,
И страданий без конца,
Маши милый взгляд участья
И черты ее лица,
И большие серы очи,
И шелковые власы,
Как завеса бледной ночи,
Роскошь девичьей косы,—
Красивее были рая
И милее райских роз,—
И, от раны умирая
Под огнем кровавых гроз,
Петр готов был вслух устами
Имя Маши прошептать

Или мертвыми перстами
Милый образ начертать.
Даже прах его блаженный
Был в сырой земле готов
Сохранить завет священный
И горячую любовь.

* *
*

И пред Маши красотою
Трепетал и сам поэт
И дрожащею рукою
Наводил златой лорнет
На ее стан грациозный
И на свет волшебных глаз,
И на вид ее серьезный
Не один блаженный раз.
Он рассматривал сережки,
Руки, шейку, нежный бюст,
Соблазнительные ножки
И улыбку милых уст.
Бросил взгляд он также меткий
На черты ее лица
И увидел образ редкий —
Не похожий на отца;
Но в ее природных жилах
Кровь отцовская текла,
И в могучих женских силах
Боля храм себе нашла.

* *
*

И характер юной девы
Соткан был из крепких скал;
Мелодичные напевы
Все звучали, как металл.
По земле она ходила,
Точно в небе голубом,

И слова произносила,
Как рубила топором;
И ее лилися речи,
Как волнистая вода,
И, как звук большой картечи,
Разносилися всегда.
Маша дивно улыбалась,—
Как весенняя луна;
Громко, радостно смеялась,
Точно грозная волна;
Смело топала ногою,
Коль неправду кто сказал,
И, шатая головою,
Говорила: „Ты соврал!“

* * *

Все пред ней благоговели,
Как пред девой пресвятой,
И ей гимны громко пели,
Собираяся толпой.
Я готов был распроститься
С золотым своим пером,
Чтобы в ноги поклониться
Славной девице челом.—
Не хочу распространяться,
Чтоб читатель не устал,
И Орловой восхищаться,
Чтоб в любви не упрекал.
Пусть читатель сам составит
Мнение о ней свое,
И унизит иль прославит
Перед массою ее.

* * *

Время быстро протекало,
Уносило жизни цвет

И бесследно исчезало
В пустоте прошедших лет.
Солнце яркое сияло
Сквозь сияющий эфир
И лучами заливало
Улыбающийся мир;
Воздух зноем наполняло
На земле и в небесах.
Все на ниве поспевало.
Люд трудился на полях.
Изумрудными снопами
Украшалась полоса.
Жней широкими волнами
Разливались голоса.

* * *

Петя жил и любовался
Маши чудной красотой,
Но на миг не расставался
С возлелеянной мечтой;
Иногда ночной порою
По лесу один бродил,
Но за дремлющей горою
Ничего не находил.
Теплый, нежный воздух влаги
Все в природе освежал.
Спали крепким сном овраги.
Небу лес густой внимал.
Как дитя, сова кричала,—
Отзывался эхо звук.
Что-то дубу ель шептала,
И жужжал порою жук.

* * *

Маша крепко в доме спала
До блестящего утра

И не раз во сне видала
Образ милого Петра.
В жизни первый раз святыня
С неба ночью к ней пришла
И рукою, как гордыня,
Сердце жаром залила.
Первый раз в ней заиграла
Чисто девственная кровь,—
В чутком сердце запылала
Ярким пламенем любовь.

* *
*

Марья Павловна проснулась,—
Вся свежа, как маков цвет,
И, как птичка, встрепенулась...
Ярко-красный солнца свет
Золотистыми лучами
Озарил ее ковер,
И струился к ней ключами
Свежий воздух с влажных гор.
Под окошком рдели розы,
И алел живой восток.
Занимали Машу грезы;
В сад манил ее цветок.

* *
*

Маша кудрями встряхнула
После сладостного сна
И к цветам своим прильнула
У открытого окна;
И гребенку в руку взяла —
Посмотрела на часы —
И прилежно расчесала
Шелковистые власы,
И божественную лиру

Горько—плачущему миру
Снела клич, зовущий в бой.
Быстро звуки разнеслися
По дубравам и полям
И в сердца людей впилися
По окрестным деревням.
Перед нею рисовались
Планы жизни и борьбы
И во мгле густой терялись
Всем изменчивой судьбы.
Быстро мысли пробегали
По руинам прошлых лет
И куда-то улетали,
Унося мечты завет.

* *
*

Птицы громко щебетали,
За окном играл фонтан;
Ароматы обнимали
Свежей негой Маши стан.
Утро сладость в грудь вливало,
На душе было легко;
Все от смерти воскресало;
Разливалось широко,
Море радости мгновенной,
Подымало чувства ввысь;
И планеты всей вселенной
Вдаль по воздуху неслись.

* *
*

Марья Павловна выходит
В свой зеленый, пышный сад —
И по травке тихо бродит
Меж красивых колонад.
Солнце греет, ветер веет...
Утро ластится к траве.

От восторга все пьянеет.
В миловидной голове
Маши радости мелькают.
На лице ее черты
Благоденствия играют;
Отражаются мечты.

* *
*

СИЛА ПУДОВИЧ ДУРНОВ.

На коне своем ретивом,
Средь незыблемых долин,
В размышлении унылом
Едет юный дворянин.
Гордый барин об'езжает
Распростертый сенокос
И лукавый взор бросает
На богатый свой покос.
Он богат и славен всюду,—
Весь его дворянский род
Не давал свободы люду
И нагайкой бил народ.
Знают все его столицы,
Ездит в гости он к царю,
И придворные девицы
С ним танцуют на пиру.

* *
*

Мимо сада проезжая,
Он поднял свой меткий глаз
И увидел деву рая
На земле лишь первый раз.
Красотою пораженный,

Он, как зверь, обезумел
И, как пулею пронзенный,
Быстро к саду полетел;
Маше низко поклонился,
Извиненья попросил
И в беседу с ней пустился,
Но бессвязно говорил.
Маша смело говорила,
Улыбаясь слегка,
И без жалости томила
Молодого седока.
Он пред чудной красотою,
Как листочек, трепетал
И пред девою простою
Сам не знал, что лепетал,

* * *

Маша голос услыхала
Доброй матери своей
И, как белка, побежала,
Извинившись, прямо к ней;
Стол вдруг скатертью застлала,
Осмотрела самовар:
В нем вода уж клокотала,
И валил столбами пар.
Дочь в уста поцеловала
Обожаемую мать
И проворно побежала
Кузнецов на завтрак звать.

* * *

Маша Петю ожидает...
Вот и он — заходит в дом,
Пыль с лица водой смывает
И садится за столом;
На Марию подымает

Говорящий что-то взгляд,—
Он ей в душу проникает,
Как в камыш тяжелый град.
Маша чай всем наливает.
Свет ее волшебных глаз
Нежной радостью пылает
И сияет, как алмаз.
Вьются кудри, рдеют щеки,
Улыбаются уста,
И в душе любви потоки
Льются; девственность чиста.
Дух, мгновенно замирая,
То приятным сном уснет,
То безжалостно терзая,
Грудь младую всколыхнет.

* * *

С Пети глаз она не сводит,—
Страсть в душе к нему кипит;
Жизни счастье в нем находит...
Вся пред ним она горит.
Не хватает крепкой силы,
Страсти в тайне сохранить,
Беззаветно до могилы
Молча милого любить.
Что-то сердце разрывает,—
Страшно хочется сказать,
Что душа огнем пылает,
Чтоб любимого прижать;
Что главу на грудь младого
Пети хочется склонить
И любовью дорогого
Сердца дух воспламенить.

* * *

Тяжело и безотрадно,—

Жизнь — как будто сладкий сон:
Томит душу беспощадно,
Коль в красотку кто влюблен.
Образ девы вечно мнится,
Речи льются, как волна,
Но не знаешь, что таится
В сердце девы, — что она,
Улыбаясь, скрывает
От тебя в своей груди;
Что за счастье ожидает
Вас с красоткой впереди.

* *
*

Петя занят был загадкой
Сей не раз наедине.
Обольщенный мыслью сладкой,
Проезжавший на коне,
В свой дворец уж возвратился:
В кресле бархатном сидит.
В эти мысли погрузился
И со скорбью в сад глядит.

* *
*

Он об'ездил все столицы
И с княжнами танцовал,
Но, как Маша, там девицы
Никогда он не видал.
Образ девицы прелестной
Так его очаровал,
Что за стан ее чудесный
Весь дворец бы он отдал;
И, в угаре сладострастья,
За наивную любовь,
За минуту жизни счастья
Снес бы головы рабов.

Добрый новый наш приятель —
Сила Пудович Дурнов —
И Марии обожатель
Был заносчив и суров;
Государственных колегий
Гласным членом состоял
И законы привиллегий
Для богатых защищал.
О живущих всех убого
Он с презреньем говорил.
Соблюдал порядки строго;
Перемен он не любил
Ни в законах, ни в погоде
И новизну порицал,
И брожения в народе
Никогда не замечал.

* * *

Он разгулом увлекался,
В пышных залах пировал,
По-французски одевался
И прекрасно танцовал;
Превосходно из'яснялся
На различных языках,
Миловидно улыбался
Дамам в скромных уголках;
Слыл любезным, славным малым,
Пол прекрасный обольщал,
Хоть и был порой нахалом
И нередко возмущал
Сим поступком очень строгих
Дам пикантных и девиц —
Моралисток очень строгих
Европейских всех столиц.

Сидя в доме, он скучает,
Сам судьбе своей не рад;
О Марии размышляет,
Глядя томно в дивный сад.
Перед ним — краса природы,
Запах розовых цветов,
Голубые небосводы,
Тучки светлых облаков,
Редкий вид младого сада,
Яркий блеск златых аллей,
Обнесенная ограда,
Ряд высоких тополей.
Но Дурнов, не замечая
Сей роскошной красоты,
Видит образ девы рая,
Погрузясь в свои мечты.

* * *

Что-то грудь его тревожит·
И безжалостно гнетет
Беспощадно сердце гложет
И, как ногтями, скребет.
Юной девы стан чудесный,
Как огонь, горящих глаз
Взгляд опасный, но прелестный
Сердце силы первый раз
Поразили. Он проводит
День весь в комнате своей,—
По ковру вздыхая ходит...
В вечеру несется к ней.

* * *

К саду быстро под'езжает
И на дом ее глядит
И волнуясь ожидает...
Маша с Петею сидит.

От досады и волненья,
И пылающих страстей
Он выходит из терпенья
И бледнеет до костей.
Жилы стынут, ноги млеют,—
Он дрожит, как лепесток, —
И в глазах его темнеют
Север запад и восток.
Он слабеет и робеет.—
И к девице дорогой
Шаг никак ступить не смеет
Подкошенною ногой.
Время тяжких испытаний
Наступает для него,—
Он горит огнем страданий
От бессилья своего.

* * *

Ум Дурнова помутился,
И рассудок притупел,—
Он ужасно возмутился —
И, как зверь, рассвирепел.
Злоба ревности кипела
В глубине его души,
Что в саду с Петром сидела
Марья Павловна в тиши.
Мстить он властною рукою
Был готов уже Петру,—
Наказать его тюрьмою
Без причины поутру;
Но в уме вдруг укрепился
И собою овладел,—
За седло рукой схватился,
На коня мгновенно сел.

Им досада овладела,
И поник он головой;
Жизнь младая охладела,—
Близок час был роковой;
Но, суровую тревогу
В глубине души храня,
Повернул он на дорогу
Властной волею коня.
Не промолвил он ни слова,
Быстро к дому поскакал;
Погрузяся в мысли снова,
Грудью нежною вздыхал.

* *
*

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Петр сидел в об'ятьях сада,
Наводя на Машу взор.
Нежно веяла прохлада,
Освежая разговор.
На горе костер дымился,
Огонек в дыму сверкал.
Сад тихонько шевелился
И загадочно шептал.
Ветки скромно колыхались
В славном садике густом
И влюбленно целовались
В бледном сумраке ночном.
Птицы чутко в рощах спали;
Тихо было на полях;
Быстро молодцы скакали
По дороге на конях,
Собираяся к ночлегу

Средь торжественных долин.
Завозил в сарай телегу
Хлопотливый селянин.
Сидя с Машей, Петр угрюмый
На профиль ее глядел
И, об'ятый тяжкой думой,
От уныния скорбел.

* * *

ДИАЛОГ МАШИ И ПЕТРА.

— Что ты Петя, друг мой милый.
В глубине души хранишь?
Отчего ты стал унылый?
Почему не говоришь?
Жизнь тебе ли надоела,
Мой ли скучный разговор,
Иль душа осиротела
И поблек мой скромный двор?

* * *

—Маша, друг мой вдохновенный!
Оттого я стал грустить,
Что в душе своей нетленной
Я не в силах утаить,
Пробужденного тобою
И зажженного огнем,
Овладевшего душою,
Чувства, — жизнь моя вся в нем.
Сердце сжалося от боли,
Пламя душу сильно жжет.
Изнывает сила воли.
Давит грудь тяжелый гнет.
Образ милый и прелестный

Твой сияет предо мной,
И преследует чудесный
Взгляд, как ночью домовой.
Я не раз уж собирался
От него стремглав бежать,
Но на месте оставался,
Потому что ног поднять
Силы в жилах не хватало.
Чувств не мог я превозмочь,
Но надежды было мало,
Чтоб прогнать сомненье прочь.

* *
*

—Петр, тебя я обожаю,
Но не в силах разобрать
И никак не понимаю
Для чего? куда бежать?
Ведь сей край не так ужасный:
Есть в нем доля красоты.
Вид полей весьма прекрасный.
В нем художества черты
Кисть творца напоминают.
Нет напрасной суеты,
И везде благоухают
Жизнерадостно цветы.
Посмотри на небосклоны:
Грани синих облаков,
Свет луны и миллионы
Серебрящихся зрачков
В небе мило так мерцают,
Нежно ластятся к земле
И игриво утопают,
Точно в волнах, в полумгле.

А когда со тьмой ночною
Свет мерцающих лампад
Потухает над главою;
Рощу, луг, поляну, сад
Солнце светом заливает,
Освежает их роса —
И от сна их пробуждает;
Раздаются голоса
Хлеборобов, песнопенье
Девиц, трели соловья,—
Эх, какое наслажденье
В душу льется, как струя.
Свет широко разольется,
И легко, легко дышать;
Сердце радостное бьется,—
Хочет мило прижать.

* *
*

—Я люблю красу природы,
Прелесть солнечных лучей,
Голубые небосводы
И волшебный мрак ночей,
И глубоко упиваюсь
Летней роскошью лугов,
И безумно наслаждаюсь
Нежной зеленью холмов;
Но не в силах жить я доле
В этой скучной тишине
И, блуждая в чистом поле,
Покоряться старине.

* *
*

Я хочу борьбы, волнений
И кипучих дум и грез,
И заветных вожделений,
И суровых, бурных гроз.

Душу жажда одолела—
Мстить вампиру—наглецу;
Кровь в груди уж закипела,
Стать с судьбой лицом к лицу;
Но я, Маша, ведь не в силах
Без тебя и меч поднять;
Кровь застынет крепко в жилах,
Коль решуся в руку взять.
Для меня ты — жизнь и радость,
И священный идеал,
Упоительная сладость
И небесный ореол.

* * *

—Милый Петр, так в чем же дело?...
Я всегда пойду с тобой,
Если вступишь гордо, смело
Ты с врагом в жестокий бой.
Посмотри на мир презренный,—
Всюду кровь течет рекой,
И терзает враг надменный
Нас жестокою рукой.
Нет ни счастья ни отрады
Для трудящихся людей,—
Мрак, кошмар вокруг ограды,
Страшный звук стальных цепей.
Задыхаяся в неволе,
Люд рабочий вопиет
И тяжелый кубок в поле
Яда варварского пьет,

* * *

Но без скорби и страданий,
И смертельных ран под час
Быть не может ожиданий,
Что сверкнет рассвет для нас.

Современный мир кошмарен,
Черным саваном покрыт;
Враг наш силен, горд, коварен,
Лицемер и гипокрит.
Много лет в об'ятьях мрака
Наша жизнь уже текла
И по воле злого рока
Мир к погибели влекла.
Люди мучились, страдали,
Жизнь печальную влача,
И толпами умирали
Под нагайкой палача.

* * *

Нам собрать все нужно силы
И вступить в жестокий бой,
И сражаться до могилы
За обиженных с тобой.
И тогда за нами смело
Весь трудящийся народ
За святое наше дело
Быстро двинется вперед;
И могучею рукою
Мрачный мир с земли смахнет,
И спокойною душою
На просторе отдохнет.

* * *

Глубоко запала в душу
Пети пламенная речь,
И он крикнул: — Я разрушу
Институты рабства. Меч
Штык, копье, булат и шпага,
Смелость верного коня
И военная отвага —
Будут жизнью для меня.—

Кровь младая заиграла,
Дух в нем буйный возымел;
Перед ним затрепетала
Маша; громко он запел.

* *
*

КЛЮЧИ СЧАСТЬЯ.
(Песня Доброва.)

Подари мне, дорогая ,
Счастья тайные ключи,
Отпереть ворота рая,—
Пусть все райские лучи,
Светом огненным сияя,
Путь тернистый озарят;
Ярким бисером сверкая,
Звезды все заговорят.
И завесу мрачной ночи
Широко свет распахнет;
Засверкают серы очи;
Легче грудь моя вздохнет.
Море счастья всколыхнется
Красотой волшебных волн,
И сердечно засмеется,
Кто в тебя душой влюблен;
И его судьба лихая
В бурных волнах утонет,
И на век тоска немая
Непробудным сном уснет,
В бездну вечную польется
Сердца горькая печаль,
Счастье жизни улыбнется,
Сбросив черную вуаль.

Песня славная из сада
По долинам разлилась,
И глубокая отрада
Струйкой теплою влилась
В душу юную Орловой—
Грудь ее огнем зажгла,
И заря над жизней новой
Лучезарная взошла.
Петя с Машей — вместе оба —
Дали клятву честно жить
Вожделением до гроба
И друг друга век любить;
И в основу жизни новой
Положить свой идеал,
И в борьбе — судьбы суровой
Горький вместе пить бокал.

* * *

Солнце красное заходит
За дремучие леса,
Яркий свет за ним уходит,
И темнеют небеса;
И завеса чудной ночи
Заслоняет светлый день;
Как лампады, неба очи
Освещают мрака тень.
Тишина царит немая,
И луны сребристый свет,
И порфира голубая
С неба шлют земле привет.
В небесах одна пылает
Лучезарная звезда,
И в реке шумит, играет
Миловидная вода.

Петр сидит и размышляет
В покосившейся избе:
Узы жизни он вручает
Лучшей будущей судьбе.
Он не может жить в неволе
Темной жизнью будних дней
И бряцать на мрачном поле
Сталью кованных цепей.
Жизнь уж слишком надоела
Нраву пылкому в глуши,
И тоска совсем заела
Чувства пламенной души.

* * *

Он проходит хату, сени
И идет в тоске на двор,
И сквозь сумрак бледной тени
На поля бросает взор.
В поле молча он уходит
И с холма не сводит глаз,
И клянется, что он бродит
В жизни здесь последний раз.
Он деревню оставляет
И, удилами звеня,
В темноте ночной седлает
Златогривого коня,

* * *

Вот пришло уж Пете время:
Он на небо поглядел;
Быстро бросил ногу в стремя,—
На коня мгновенно сел,
И по берегу крутому,
Как орел помчался к ней ,
Поклониться низко дому
И волшебный взгляд очей

Увидать младой девицы,
И сказать: "Душа, прощай!
Веселись, как в небе птицы —
Злом меня не поминай."

* * *

Сколько муки, сколько счастья,
Выражения без слов,
Поцелуев сладострастья —
Возбудила в них любовь.
Все смешалось: грусть и радость,
Счастье, горе, море слез,
Скорбь, печаль и жизни сладость,
И большие тучи грез.
Марья Павловна вздыхала
В час сей жизни роковой
И Доброва упрекала,
Что не взял ее с собой.

* * *

„Я пред миром это счастье
Раньше должен заслужить,
Чтоб с тобою сладострастье
Вольной жизни разделить .
Все премудрости постигнуть
Мировые должен я —
И тогда тебе воздвигнуть
Дом, где вся твоя семья
Будет мирно жить—на славу,"
Петя ей в ответ сказал,
Взял поводья в руку праву
И в дорогу поскакал.

* * *

По дороге конь стрелою
Вдаль туманную летит;
С непреклонной головою

Юный Петр на нем сидит.
Под конем дорога гнется —
Белой пеной он покрыт;
Эхо в поле раздается
От шипов его копыт.
Все вокруг Петру внимает.
С неба шлет луна привет,
По дороге расстилает
Серебристо-бледный свет.
Нежно тело освежает
Сладкий ветер седока,
И одежду покрывает
Пыль поднятая слегка.
Петр Иванович не дремлет,
Вдаль стремя коня без шпор.
Конь приказу Пети внемлет
И бежит во весь опор.

* * *

Пес в лесу сердито лает,
Слышен громкий разговор,
Красным пламенем пылает
Догорающий костер.
Петя ближе под'езжает —
Видит: общество цыган
На свободе обитает,
Развернув свой балаган.
Балалаечник играет,
И прекрасно хор поет,
Парень девицу ласкает
И в бубенчик крепко бьет;
А цыганка молодая —
Живописная краса,
Как русалка водяная,
Распустила волоса

И танцует грациозно
Русь прославивший балет;
На людей глядит серьезно;
На лице заботы нет.

* * *

Все Доброву предложили
В их шатре заночевать,
И девицы попросили
С ними вместе кочевать.
Петя долго не решался,
Но, лишь вспомнив свой завет,
Машинально отказался
И оставил их балет.
И деревья замелькали.
Петр во тьме густой пропал.
Все цыгане замолчали.
Пес их лаять перестал.
Конь под ним претяжко дышит.
Но бежать еще готов,—
Он усталости не слышит,
Оставляя след подков,
Но седок его жалеет
И играет с ним, шутя,
И, любя его, лелеет,
Как прекрасное дитя.
И коню он сообщает,
Что ему уже пора
Отдохнуть, и заезжает
В лес на отдых до утра.

* * *

Петр коня подводит к ели,
Сам ложится под кустом
На разостланной постели
Из травы в лесу густом.

Вот известный наш приятель
На сырой земле лежит,
Оком космоса создатель
На него с небес глядит.
Ночь сырой прохладой дышит,
И напрасно шепчет куст:
Ничего он не услышит
Из Петра смиренных уст.
Лесом стройным окруженный,
Петр, как рыцарь древних лет,
В сон глубокий погруженный,
В тайне дум хранит ответ.

* * *

Уж теперь ему до мира
Никакого дела нет,—
Пусть его святая лира
Вдохновляет мрачный свет.
Пусть шумят младые елки,
Гнутся веточки берез,
В пуще рыщут злые волки
И пугают диких коз.
Пусть луна лучом сияет,
Коль ей хочется сиять,
Или молния сверкает,—
Петя будет мирно спать.

* * *

Ночь проходит, рассветает,
Исчезает мрак кругом,
И звезда уж догорает
Скромно в небе голубом.
Средь долины замирает
Церкви утренней трезвон.
Имя Маши поминает
Петя сквозь глубокий сон.

Уж давно селяне встали —
Оживили все село;
Меж собою толковали;
Солнце красное взошло.
Парни все уже с ночлега
Возвращалися домой;
Где-то скрипнула телега;
Разругался кум с кумой.

* * *

Бабы всюду уж доили
По хлевам своих коров,
И хозяева поили
С паши пригнатых волов.
По дворам ходили куры
И стада младых цыплят,
На гумнах стояли фуры,
Топот слышен жеребят.
Все уж печки затопили —
Дым из труб стремился в высь,
Кое-где дрова рубили,
Где-то дети подрались.
Каркал ворон на березе,
И чирикал воробей,
Мотылек сидел на розе;
Взвилась стая голубей.
Пчелы сотнями летали
И садились на цветах,—
Сок для меда собирали
Хлопотливо на полях.
Пастухи уж выгоняли
В поле свой рогатый скот,
Овцы серые блеяли
У затворенных ворот.

И запели в рощах птицы,
Заиграл пастух в рожок;
Чернобровые девицы
За селом сошлись в кружок.
Превосходно все умели
Дружка дружку уважать
И прекрасно хором пели,
Идя в поле рано жать.
Волга песне их внимала
И глотала голоса,
И их ноги обмывала
Чисто-влажная роса,

* * *

Петя утренней порою,
За кустарником густым,
Над широкою рекою
Ехал берегом крутым.
Пахло всюду свежей влагой,
Воздух утро освежал,
Всадник вдаль глядел с отвагой,
Конь ретивый звонко ржал.
Петр Иванович стремился
В славный город — Петроград,
Встретить девиц, поклонился
Им и бросил взгляд назад.
Все девицы улыбнулись,
Петин приняли поклон,
Меж собой переглянулись —
И спросили: "Кто же он?"
Вдруг раздался громкий топот
От помчавшихся копыт,
И девичий тихий шопот
Стуком громким был покрыт.

Конь несется. Петр наводит
Взор у леса на барьер —
Видит: из лесу выходит
Сильный, дикий черный зверь.
Вышел. Петя возмутился,
Стал, подумал, поглядел,
Слез с коня, вооружился,—
На коня с дубиной сел.
Конь его насторожился,
Фыркнул, злобно захрапел,
Стал на дыбы, опустился,
Стукнул лапою, присел...
Два прыжка — и очутился
У медведя; гордо стал,
Зверь могучий озлобился
И глазами засверкал,
По-медвежьи осклабился,
Силы все свои собрал,
Шаг ступил — и наострился,
И от злости задрожал.
В сердце Пети засверкала
Восходящая заря,
В юных жилах заиграла
Кровью мощь богатыря.

* * *

Видел лес, слыхало море,
Как с дубовым он колом
На незыблемом просторе
В страшный бой вступил с врагом.
Он, отвагой пламенея,
Позабыл боязнь и страх,
Размахнулся, не робея,
И поверг медведя в прах.
В нем отвага клокотала,

Дух победы ликовал,
Радость пламенем пылала,
И герой, как дуб, стоял.

* * *

Все вокруг ему внимало,
За движением следя,
И тихохонько шептало,
На великий акт глядя,
Что Добров силач и гений,
Храбрый воин, великан,
Воплощение стремлений
К светлой жизни многих стран.
Он, как грозный победитель,
Редкий в жизни человек
И грядущий вдохновитель
Масс в двадцатый бурный век —
На врага взглянул глазами,
На дорогу повернул
И кудрявыми власами
Ухмыляясь встряхнул.

* * *

День прошел и потемнело.
Петр Иванович был рад,
Что вступил в столицу смело
И взглянул на Петроград.
Бесконечными рядами
Разместилися дома —
Церкви славились крестами,
Шлисельбургская тюрьма
Много места занимала —
И суровою своей
Пастью жадно поглощала
Правды ищущих людей.
В ней томились дни и годы
Братья, дети и отцы:

Все поборники свободы —
Неустанные борцы;
Страшно мучились, страдали—
Всех палач там истязал—
И на плахе умирали
За священный идеал.

* * *

Петр, оставивший девицу,
Им любимую, не знал,
Что приехал он в столицу,
Где кузнец уже ковал
Цепи крепкие из стали
Для его здоровых ног;
Где магнаты пировали,
И гремел большой чертог
Самодержца всей России,
И рекой лилось вино,
И народные стихии
Подымались уж давно.

* * *

Марья Павловна скучала
Без Доброва каждый день,
И в глазах ее мелькала
Пети ласковая тень.
Все как будто потемнело,
И туман повис вокруг,
И в деревне надоело
Проводить ей свой досуг.
Уж никто в час лунной ночи
С ней под липой не сидел
И в сверкающие очи
Верным взглядом не глядел.
Ночь как будто потемнела,
В небе спряталась луна;

Маша слишком побледнела —
Стала вяла и смутна.
И в саду младые птицы
Стали редко щебетать,
И сияющей зарницы
В мрачном небе не видать.
И томительная скука
Часто гложет светлый дом;
Сердце Маши давит мука
Утром, вечером и днем.

* * *

День приходит и уходит,
Жизнь уносит за собой;
Маша счастья не находит
В час без Пети роковой.
Солнце мило улыбнется
И за лес густой зайдет,
Небо заревом зальется,
На траву роса падет;
Ночка темная настанет,
Воцарится тишина,
И в окошечко заглянет
Скучной жизни старина.
Маша выйдет в сад вздыхая,
На ночную тень взглянет,
По песку аллей шагая,
Сад зеленый обойдет
И пред старой липой станет,
На главу ее взглянет.
В ветках Петр пред ней предстанет
И во мраке пропадет.
Слезы горькие польются,
Щеки Маши оросят,
Губы алые сожмутся

И от скорби задрожат.
Вниз опустятся ресницы,
Потемнеет свет в глазах,
И за тучами зарницы
Разбегутся в небесах.

* *
*

Сердце крепко встрепенется,
В грудь младую застучит;
Грусть суровая проснется
И отраду омрачит.
Кровь внезапно охладеет,
Маше голову вскружит,
И Орлова побледнеет,
Дрожь по телу пробежит,
Руки сразу ослабеют,
И опустятся по швам;
Ноги быстро одубеют,—
И придет конец следам.
Жизнь застынет в бледных жилах.
Как зимой в реке вода,
С места двинуться не в силах
Уж Мария никуда.
Долго Маша так средь сада

*
* *

Неподвижно простоит.
Душу жгучая досада
Вновь в груди воспламенит —
И Мария покачнется,
Хладный пот с лица сотрет,
Тихо вправо повернется,
Грудью полною вздохнет
И, томимая тоскою,
В дом себе опять уйдет;

С расплетенною косою
Ляжет спать, но не уснет.

* * *

То подушка ей мешает,
То белизна пелены,
То скользя ее пугает
Тень широкая стены,
То собака вдруг залает,
Крик подымется в избе,
То в деревне заиграют
Мальчуганы на трубе.

* * *

А в суровую погоду
Буйный ветер зашумит,
Иль в шипке толпа народу
Спьяна вся заговорит.
Или стуком разразится
У окошка с неба гром,
Буйный ветер возмутится
И завоет за углом.
Небо светом озарится,
И окошко застучит;
Марье Павловне не спится —
Левый глаз полуоткрыт.
Все как будто ей мешает
Спать до белого утра,
А посмотришь: лишь мелькает
Образ милого Петра.

* * *

Он всю ночь перед глазами
Марьи Павловны стоит
И любимыми устами
Что-то тихо говорит.
Так в бессоннице и муке

Маша ночь всю проведет
От боязни, что в разлуке
Жизнь младую проживет.

* * *

Ночь за ночью исчезает,
Не берет Марии сон,
На лице румянец тает,
И на сердце — миллион
Грудь терзающих страданий,
И душа ее полна
Слишком тяжких испытаний...
Жизнь, как бурная волна,
То высоко подымется
И горою поплывет,
То приятно улыбнется
И тоску с лица сметет,
То погрязнет в синем море
И прикроится водой,
И оставит плач и горе,
И сердитой бури вой;
То тихонько всколыхнется,
Белой пеною всплеснет,
По равнинам разольется
И бесследно пропадет.

* * *

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Жизнь проводит в страшной скуке
Сила Пудович Дурнов.
Он отдался бы науке,
Но горячая любовь
Сердце чуткое ласкает,

Вечно сладость в душу льет,
Счастье, радость обещает;
В мир загадочный влечет.
Сладким чувством упоенный,
Предается он мечтам;
В сон глубокий погруженный,
Обнимает чудный стан
Маши в море сновидений,
И как будто часто сам
Ходит смело, бес стеснений
По высоким небесам.
Но, как только он проснется,
Весь измучен, как рыбак,
И от страха ужаснется,
И возьмется за табак.
Курит, курит беспрестанно
И пускает дым густой;
На душе его кошмарно,
Ум его совсем пустой.

* * *

Жизнь полна тоски, досады;
Скука крепко сердце жмет;
Нет ни счастья ни отрады,—
Жизнь бессмысленно течет.
Надокучили лакеи —
Их услуги и поклон,
Их расшитые ливреи,
И часов на стенке звон —
Силу слишком утомляют
И волнуют суетой,
Жизнь Дурнова наполняют
Монотонной пустотой.

* * *

Вот однажды он решает
Образ жизни изменить;
Раб коня ему седлает,—
Он садится и спешит
На коне своем ретивом
По дороге столбовой
В настроении унылом
И с поникшей головой.
День уж клонится к закату,
С поля все идут домой.
Косу, грабли иль лопату
Каждый держит за спиной.
Сила Пудович промчался,
Быстро к Маше прискакал,
В дверь тихонько постучался,
Поклонился и сказал:
—Поклониться вам имею
Я весьма большую честь.
Не взыщите, что я смею
Сам без просьбы в гости лезть.
—Просим, сядьте, погостите,—
Павел Тихоныч сказал,
—За убожество простите,—
И на кресло указал.
Сила важно поклонился,
Подошел и чинно сел;
Скоро вкратце из'яснился —
И на Машу поглядел.

* *
*

Маша скоро догадалась...
И вступила в разговор,
И беседа завязалась
О богатстве наших гор.
Все сидели, говорили,

Улыбались невзначай,
Веселились и шутили,
Наливали — пили чай.
С этих пор наш юный барин
Начал дом сей посещать.
Был собой он славный парень...
Ничего нельзя сказать.
Маше стало вновь немного
Веселей в деревне жить,
Но Петруши молодого
Не могла она забыть.

* *
*

Как-то солнце было низко.
Сила к Маше прискакал,—
Поклонился, сел к ней близко
И тихонько ей сказал:
—Я не в силах без волненья
С вами, Маша, говорить,—
Мучат тяжкие сомненья...
Но... позвольте вас любить.
Не любить вас не могу я:
Для меня вы жизнь и свет.
С вами жить хочу, воркуя—
Я рабом быть дам обет.
Я всегда, как раб убогий,
Стать готов у ваших ног,
И за взгляд ваш милый, строгий
Я готов отдать чертог.

* *
*

Я клянуся небесами,
Солнцем, звездами, луной,
Всеми в мире чудесами,
Богородицей святой;
Нашей грешною землею,

Честной совестью людей,
Всей небесной пеленою,
Блеском солнечных лучей,—
Что люблю я вас так страстно,
Как не мог любить другой,—
Всей душой и сердцем властно,
Чистой верностью святой;
И готов всю жизнь до гроба
Всеми чувствами любить:
Ни тоска, ни скорбь, ни злоба
На пути не станут,—жить
Будем с вами мирно годы,
Как в раю живет сам Бог,
На ковре златой природы...
Я сказал вам все, что мог.

* *
*

--Я глубоко сожалею,
Сила Пудович Дурнов,
Что любить я не умею
Безхарактерных рабов.
Ни палат, ни вечной славы,
Ни разгула богачей,
И не праздной их забавы
Я ищу в борьбе своей.
Что мне роскошь, блеск жемчуга!
Что дворец мне золотой,
Коль любить младого друга
Не могу я всей душой!

* *
*

Не могу любить я фата,
Кто купается всегда
В море грязи и разврата,
Жизнь проводит без труда;
Кто боится головою

Отстоять права и честь,
И глумиться над толпою,
Поощряя ложь и месть.
Для меня жизнь в ваших сферах—
Суета пустых сует...
Мудрость ваша лишь в манерах,
Пьянстве, чванстве долгих лет.

* *
*

Говорить не стоит много,—
С вами в брак я не вступлю,
Потому что я другого
Всей душой своей люблю.
Он поклялся не луною,
А булатом и мечом,
Буйной юной головою,
Честной грудью и копьем,
Что врага он мощной силой
Превратит в ничтожный прах,
Крест поставит над могилой
И рассеет мрак и страх.

* *
*

Сердце кровью закипело,
Превратилося в свинец,
Все лицо побагровело;
Побледнело, наконец,
Жилы Силы задрожали,
Он весь гневом запылал,
Очи злобой засверкали,—
Он, как вкопанный, стоял.
Этот час был хуже ада:
Беспощадно грудь терзал,
Чашу пламенного яда
В душу юную вливал.
Все потухло для Дурнова —

Жизни счастье, солнца свет.
Не промолвил он ни слова
Марье Павловне в ответ,
С обнаженной головою
Вышел медленно на двор;
Пот обтер с лица рукою
И взглянул на старый бор.

* * *

Маша с места скоро встала,
Быстро вслед за ним пошла
И за руку Силу взяла,
В дом обратно привела.
—Я глубоко сожалею,—
Вдруг промолвила она,
—Что любить двух не умею,
Скорби грудь моя полна,
Что являюсь я причиной
Постоянных ваших грез,
Наполняющих кручиной
И потоком горьких слез
Вашу душу молодую,
О, поверьте, как мне жаль,
Что с'едает дорогую
Жизнь суровая печаль.

* * *

Он, услышав, встрепенулся
И признательно вздохнул,
Миловидно улыбнулся,
К Марье Павловне прильнул.
—Не волнуйтесь, обождите
И примите мой совет:
Вы напрасно не сушите
Сердце,—в этом толку нет.
Дайте клятву мне святую,

Что забудете меня
Что полюбите другую,—
И садитесь на коня.

* *
*

—Пощади меня, Мария,
Подари мне милый взгляд, —
Пусть узнает вся Россия,
Что исполнен я отрад,—
Еле двигая ногами,
Он сказал ей, уходя
И печальными глазами
Вопросительно глядя.
Он с досады возвратился
В свой сияющий дворец
И в раздумье погрузился,—
Сердце ныло. Как мертвец,
Он сидел об'ятый думой,
На грудь голову склоня,
Мрачный, бледный и угрюмый,
В кабинете без огня.

* *
*

Пред иконою лампада
Освещала уголок,
Нежно веяла прохлада,
И в окно глядел цветок.
Тишина была немая,—
Все как будто не жило,
Глаз усталых не смыкая,
Ночь провел он тяжело.
Он уж выбился из силы,
Овладеть не мог собой,
Ужас холодом могилы
Пролетал над головой.
Сколько горя, сколько муки

Пережил он в эту ночь...
Он не мог тоски и скуки
Отогнать рукою прочь;
И в смущении ужасном
Жизнь ничтожную проклял;
И в отчаяньи напрасном
Все надежды потерял.

* *
*

Так провел он две недели.
Слишком тяжко было жить.
Размышленья надоели.
Образ жизни изменить
Он решил; и, мысль лелея,
О раздолье план создал
И, богатства не жалея,
Жизнь веселую начал.
Пир за пиром, бал за балом
Сила Пудович дает,
Чтоб залить тоску бокалом
И убить душевный гнет,
И к нему со всей столицы
Праздной жизни едет знать,—
Парни, дамы и девицы—
Покутить и погулять.

* *
*

Фаэтоны, брычки, дрожки
Под'езжают под крыльцо,
И мелькают быстро ножки —
Часто милое лицо
Из кареты выскользает
И спешит в просторный зал.
Дочь младую провожает
Знаменитый генерал.
В зале шумно, — смех и хохот,

Вечно музыка гремит;
Громкий стук и тихий топот
Башмаков, и — блеск ланит.
Все открыты окна, двери;
Ветер веет со двора.
Веселятся кавалеры
И невесты до утра:
В зале музыка играет,
И танцуют па-д'эспань.
Парень нежно обнимает
Юной девы гибкий стан.

* *
*

Все как будто затихает,
Лишь прекрасный яркий свет
Залу блеском заливает.
Франт глядит на свой предмет.
Но как только заиграют
Скрипка, флейта, трубы, бас,
Все вдруг ноги подымают
И танцуют целый час,
А потом все соберутся
За украшенным столом,
Жизнерадостно смеются;
Жажду пламенным вином
С наслажденьем заливают
Чинно дамы все сидят.
Все устали — отдыхают,—
Ничего не говорят.
Лишь лакеи стол обносят—
Наливают всем коньяк;
Глаз с гостей своих не сводят,
Чтоб на водку четвертак
От гостя, когда проспится
Завтра утром, получить —

И потом уже гордиться,
Что удалось заслужить.

* *
*

Видно, каждому забота
С юных лет весьма чужда;
Не касалась их работа,
Не томила их нужда.
Пьют по полной все охотно —
Страстью лица всех горят —
И закусывают плотно,—
Не стесняясь едят.
Только Сила есть не может:
Еле, еле он сидит,—
Скука сердце сильно гложет,
И душа его болит.

* *
*

Наедятся и напьются
Все до сыта, до пьяна;
В залу общую сойдутся,—
Сядут в кресла у окна.
И о чем там не толкуют...
Обо всем, что только есть
На земле, и критикуют
Все: — Мужик наш много ест,—
Замечает очень важно
Иногда экономист.
—Говорят у нас протяжно,—
Произносит вдруг лингвист.
—Хоть и нет у нас свободы,—
Социолог скажет вслух,
— Да зато живут народы
Разных наций без заслуг.
—Нам не важно, что в народе
Тьма кромешная царит,

Но за то у нас все — в моде, —
Муж ученый говорит.

* *
*

—Русь в культурности отстала
От своих соседних стран,
Потому что долго спала...
Наш мужик большой болван,—
Академик замечает,
— Ни читать и ни писать
До сих пор еще не знает.
— Он был создан, чтоб пахать
От восхода до заката
Землю рыхлую сохой,
Чтобы Русь была богата,
И гордилася собой,—
Добавляет наш надменный
И премудрый богослов.
— Наш мужик весьма смиренный:
Он, без спора и без слов,
Тянет лямку дни и годы,
Гнется весь в бараний рог,
Терпит горе и невзгоды,—
Молвил видный психолог.

* *
*

— О, любовь! ты злая сила:
Сердце пламенем ты жжешь,
Жизнь мою ты погубила,
В грудь вонзила острый нож.
Ты меня, как зверь, терзаешь
Беспощадно день и ночь,
Злобно сердце раздираешь...
Выходи из сердца прочь!
В ад кромешный превратила
Жизнь мою ты, как змея;

На страданье осудила
Ты меня. Рука твоя
В цепи крепко заковала
Мой расудок, как палач.
Ты проклятье мне послала,
Влила в душу скорбь и плач.
Пощади меня, напрасно
Не глумися надо мной;
Не томи меня, я страстно
Жить хочу!.. О, Бог с тобой,—
Говорить Дурнов сквозь слезы,
Сидя тихо про себя,
На дворе у ног березы,
В одиночестве скорбя.

* *
*

— Эх, какая грусть и скука,—
Слова некому сказать,
Душу томит властно мука—
К сердцу некого прижать.
Все гуляют, веселятся—
Чашу жизни пьют до дна,
А мои лета промчатся
У туманного окна
Жизни замкнутой суровым
Одиночеством в глуши.
И никто приятным словом
В глубину моей души
Восхитительного счастья
Сладкой жизни не вольет.
Я умру в день бурь, ненастья,
И никто не помянет
Добрым, дружественным словом,
На могилу не придет—
Под землей в гробу дубовом

Тело быстро согниет.

* *
*

Время скоро улетало,—
Мчался быстро день за днем,
Сердце Силы трепетало,
И горела кровь огнем.
Он сидел и втихомолку
Часто плакал и рыдал;
Книг наставил в шкаф на полку,
Но ни разу не читал.
И припали пылью книги.
Мыши — грызли по ночам.
В доме были: пир, интриги,
Споры, сплетни знатных дам.

* *
*

Жизнь была полна разврата,
И царила всюду мразь.
Надвигалася расплата
И смести грозила грязь.
Сила чувствовал усталость,
Жизнь его была скучна;
И всегда томила вялость,
Как уставшего от сна.

* *
*

Все те силы, что сверкали
Юным бодрым огоньком
И в груди его стучали,
Как в заводе молотком —
Уж застыли, помертвели
И уснули вечным сном,
И порывы охладели
К жизни реющей кругом.
Все мечты уж умолкают,
Как зимой в горах ручьи,

И надежды замирают,
Как под снегом муравьи.
Все те чаяния милы,
Что покоились в мечтах,
Как мертвец на дне могилы,
Превратились в вечный прах.
Щеки впали — побледнели,
Слезы льются, как роса,
И глаза посоловели;
Поседели волоса.

* *
*

Душу грусть его с'едает,
Сердце стало каменеть,—
Он бредит, хандрит, скучает
И не в силах овладеть
Сам собою: леденеют
Жилы, нервы все дрожат,
И в глазах его темнеют
Все предметы. Супостат,
Точно призрак средь пустыни
Перед ним всегда стоит,
И в груди его полыни
Горький сок всегда кипит.
Но оставим дом Дурнова,
Суету и шумный пир.
На минуту бросим снова
Взгляд на весь безумный мир.
Не мешает лишь заметить
Между прочим о других,
Где теперь их можно встретить,
Как глядит весь мир на них.

* *
*

Павел Тихоныч трудился
Для себя и для людей;

Любовался и гордился
Славной дочерью своей.
Маша счастьем и отрадой
Была в жизни для него
И великою наградой.
Не желал он ничего,
Кроме жизни мирной честной,
Благородного труда.
Жизни будущей — небесной
Не искал он никогда.
В жизнь загробную не верил
Павел Тихоныч давно;
Никогда не лицемерил.
Верил он всегда в одно:
В жизнь и полную свободу,
В честность, совесть и любовь
И любил всегда природу,
Говорящую без слов.
Как и раньше, Маши воле
В доме не было границ.
О ее грядущей доле
Никогда с пожилых лиц
На минуту не сходила
Мысль родительских забот,
И за дочерью следила
Мать, чтоб дочь в водоворот
Скверной жизни не попала,
Где царит одна печаль;
Чтобы Маша соблюдала
Непорочную мораль.
Маша всех мужчин пленяла
Редкой в мире красотой
И, как солнце, озаряла
Уголок страны родной.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ГОРОД.

Петр в пределы Петрограда
Героически вступил
И простор младого града
Без сражений победил.
И ,победу торжествуя,
Как в Москве Наполеон,
Он видал, как мир чаруя
Ярким светом, миллион
Фонарей сиял, аркады
Вдаль бросали зоркий взгляд,
Милым блеском озаряли
Башен крыши, купола;
Краски дивные блистали
Разноцветного стекла.

* *
*

Петр, подняв свои ресницы,
На творение **Петра** —
Красоту младой столицы —
Любовался до утра.
Бушевали волны мысли,
За вопросом шел вопрос,—
Отчего из рая вышли
Люди первые? Кто внес
В жизнь людей так много горя?
Кто посеял плевлы зла?
Почему в об'ятьях моря
Рыба жизнь себе нашла?
Кто преступною рукою

Умертвил средь нас любовь?
И зачем всегда рекою
Так обильно льется кровь?

* *
*

Кто преступными ногами
Первый истину попрал
И свободу молотками
Крепко в цепи заковал?
Кто невежества рутину
В нашей жизни посадил
И надежды властью в тину
Беспощадно погрузил?
Кто священные скрижали
Нам на память подарил
И томительной печали
Чашу в грудь народа влил?
Демон, рыцарь или воин
Счастье жизни похитил?
И какой проклятый Каин
Бедный мир поработил?

* *
*

Почему одни в палатах
Жизнь богатую ведут,
А другие в курных хатах
Полунищими живут?
Почему один пирует
Без труда и без забот,
А другие лишь горюют
В уйме жизненных забот?
Почему так небосводы
Мрачно вниз на нас глядят?
И усталые народы
Сном спокойным крепко спят?

* *
*

Почему никто не смеет
Миру спящему сказать,
Что его судьба уж тлеет,
Чтобы узел развязать
Тайн великих нашей жизни?
И не смеет заявить,
Что его давно к новизне
Очень нужно пробудить?
Отчего так жизнь лихая
Отдает весь мир волнам
И, злорадостно качая,
Не причалит к берегам,
Где бы весь народ в забвеньи
От заботы отдохнул
И в глубоком сновиденьи
На прекрасный рай взглянул?
И проснувшись дикой казни
Прах навеки отряхнул,
И чрез пропасть без боязни
Смело в рай перешагнул?

* * *

Так тянулась лентой красной
Мысль свободная Петра
Над столицею прекрасной
Вплоть до белого утра.
Он широкий вид глазами
Петрограда обводил
И горячими слезами
Плакал, что не находил
В нем той правды благородной,
Что так долго он искал,—
Жизни праведной, свободной,
О которой он мечтал.

* * *

Пасть раззинула пучина,
Копошится люд во мгле,
И страдания морщина
Отразилась на челе
Жизни, тьмою окруженной.
Дышит смрадом страшный вир.
Стонет, в бездну погруженный,
Задыхающийся мир.
Поглядишь на башню с горя,—
Видишь — ходит часовой,
Озаряет берег моря
Ярко аркой световой.

* * *

У брегов бушуют волны,
Ветер гонит паруса,
По воде шныряют челны.
Световая полоса —
То сверкнет огнем над ними,
То куда-то улетит,
То лучами золотыми
В гости город заманит.
Ночь бесследно исчезает
И уносит мрака тень,
Свет аркады потухает,
Наступает светлый день.
Люди всюду копошатся,
Задыхаясь от труда,
И без толку суетятся,
Как невольники, всегда.

* * *

Петр — поклонник новой музы
И душой освобожден
От оков, — расторгнул узы
И глубоко убежден,

Что разрушит все границы —
Властью созданный предел,
Вырвет мысли из темницы,
Потому что овладел
Сам собою: нравы страсти
Дикой жизни победил;
Институты всякой власти
На погибель осудил;
И своей железной волей
Всех традиций цепь порвал,
И в борьбу вступил с неволей;
Новый мир себе создал
Волей в области духовной;
Скорбь и радость водружил.
Волю мысли безусловной
Он безумно полюбил.
Для великих похождений
Петр утробой был рожден,
И блаженных вожделений
Высшей силой не лишен.
Но та нравственная сила,
Что зажгла всю жизнь огнем,
Божества не воскресила
Эмпирического в нем.
Он был строгим альтруистом,
Добродетель почитал,
В существе своем пречистом
Много качеств воплощал.
Но он их в реальной сфере
Никогда не проявлял,—
Так что все в ней расплывалось,
Точно в небе облака,
И прелестно улыбалось
Красотой издалека.

Иногда ему казалось,
Что мечты ингредиент
Уловить ему осталось
На лету в один момент;
Но в основе рассуждений
Он не раз с пути сходил
В область многих заблуждений
И никак не находил
Ни реальных фундаментов,
Ни строительных начал
В море сильных аргументов—
И в потемках прозябал.

* *
*

Тени истинной морали
Непротоптанным путем
Очень часто проникали
В существо его тайком.
Но он не был моралистом
Кристаллических начал;
В безначалии тернистом
Вечно истины искал.
Часто мыслию крылатой
Улетал он в небеса
И мечтой своей богатой
Совершал в них чудеса.

* *
*

Он, не зная прегрешений,
Без молитвы и креста
И особых разрешений
Отворял все ворота
Лона в небе Авраама
И архангельских палат,
Сада стараго Адама,
Где пророки мысль хранят;

Не боялся смертной казни,
По чертогам всем ходил,—
Гордо, смело, без боязни
С самим Богом говорил.

* *
*

Брал луну одной рукою
И на землю опускал,
И с пылающей звездою,
Как ребенок в мяч, играл.
Если-б он волшебной силой
В это время обладал,
То ,как смерть перед могилой,
Пред вселенной бы предстал.
Шар земной он вверх бы двинул,
Солнце вниз бы опустил,
Марс совсем бы опрокинул,
Звезды б все соединил.

* *
*

Он любил простор и волю,
Мысли трепетный полет,
Проклинал лихую долю
И судьбы тяжелый гнет.
Нрав его младой натуры
Удовольствия искал
В шумном вихре грозной бури,
На вершинах синих скал.
Он искал во всем размаха
И природной красоты,
Шел вперед всегда без страха;
Строил крепкие мосты
Через пропасти пустые
Разномыслий долгих лет,
Расчищал леса густые,
Оставляя всюду след,

Всех ведущий к жизни новой—
Без господ и без рабов,
Без резни, войны кровавой.
Без тюрьмы и без оков.
Он хотел умом пытливым
Тайны жизни все постичь,
Благоденствием красивым
Заменить несчастий бич.
Он потратил силы много
На борьбу со стариной.
Относился к жизни строго
Правды ищущий герой.
Он боролся сам с собою
И пороки побеждал —
Воевал всегда с судьбою;
Совесть в людях пробуждал.
В существе он неустанном
Честь, гуманность воплощал,
В мире грязном и туманном
Жизнерадость воскрешал.
Он неправдой возмущался,
Лицемерий не терпел,
Честной жизнью восхищался
И блаженный гимн ей пел.

* *
*

В нем пылали жизни страсти,
Он путем тернистым шел;
У источника несчастий
Счастье жизни он нашел.
Все, что подлые нахалы
Ради собственных целей
Грубой силой навязали
Мысли дремлющей людей
Против воли человека,

Извращенностью ума,—
Жизнь бушующего века
В пропасть все сметет сама.

* *
*

Петр в об'ятьях тьмы и мрака,
Как небесный свет сиял —
Крест тяжелый злого рока
Высоко в руке держал.
Месть кровавую и злобу
Глубоко в груди хранил
И на мрачную трущобу
Жизни взор свой наводил.
Вид внушительный Доброва,
Строгий взгляд, копье, кинжал —
Без решительного слова
Страх внушали. Мир дрожал
От его младого взора
И расправы ожидал.
Ум Петра искал простора
И от сна всех пробуждал.

* *
*

Петр в столице уж трудился,
Тайны жизни постигал,—
Думал, мыслил и учился,
И Бакунина читал.
Знаньем он вооружался,
Крепкий меч себе ковал,
Ни пред кем не преклонялся...
Всех любил и уважал.
Никогда он не обидел
Честных, праведных людей,
Но ужасно ненавидел
Паразитов-богачей.

* *
*

Царь со свитой в это время
В Петрограде пировал
И свое родное племя
Перед миром прославлял.
Он сидел в больших палатах
За торжественным столом.
Гости рядом в новых латах,
Сидя чинно, все кругом,
Высшим стилем говорили,
Рассуждали все "умно",
Сластно ели, жадно пили
Водку, пиво и вино.

* *
*

Все друг друга поздравляли
И за здравие царя
Тост высоко подымали,
Как за честь богатыря.
Пышно царские лакеи
Обносили всех вином.
Все дворовые пигмеи
Били „батюшке" челом.
Полководцы, генералы,
Графы, фоны и князья
Драгоценные бокалы
Подымали ввысь, грозя
Непокорному народу —
Постоянным бунтарям,
Кто боролся за свободу ,
Сеял правду по полям.

* *
*

И всему земному миру
Обещали дать урок,
Чтобы знал он, как кумиру
Поклоняться — чтить восток.

В пышных залах всех царили
Роскошь, мода, шик и блеск.
Дамы, фрейлины курили.
Подымался шум и треск.
Дамы в шелке все сияли.
Диамант, брильянт, жемчуг
Блеском зренье ослепляли
Суетящихся прислуг.

* * *

Но духовно обнищали
Все. Загнали жизнь в тупик
И бесстыдно клеветали:
"Виноват во всем мужик."
Поезд с рельс ли где скатился,
Князь казну ль обворовал,
Новый мост ли обвалился,
Флот продал ли адмирал,—
Виноват во всем бедняга
Сторож, стрелочник, денщик,
Дворник, нищий и бродяга,
Часовой или ямщик.

* * *

На алтарь кровавой казни
Жертвы варвар приносил,
Пред толпой из-за боязни,
Как отшельник, заперся,—
И сидит средь моря крови,
Обольщая дикий нрав,
Создавая пытки новы
Для бесчисленных расправ
С непокорными рабами,
С духом совести людей,
Рабства гордыми врагами,
Пилигримами идей.

Петр "Великий" сам в Европу
Прорубил рукой окно,
Но убогому холопу
На Руси святой темно.
Поп Россию просвещает.
Освежает ум кабак;
И "культуру" насаждает
Разгулявшийся казак
Властной силой, крепкой плетью.
Полицейский — ваш фатум.
Волю мысли удят сетью.
Об'являют вредным ум.

* *
*

Я хотел бы наше время
На земле запечатлеть:
Может, будущее племя
Будет памятник иметь
Для благих воспоминаний
Происшествий наших лет.
Наших знаний и незнаний
Сохранит златой букет.
Тот, кто строки нашей жизни
Со вниманием прочтет,
Нас в апатии к новизне
Никогда не упрекнет.
Мы всю землю обагряли
Кровью, двигаясь вперед;
Но надежды не теряли,
Веря в правду и народ.
Пусть борцы не унывают,
Что народ все время спит
И вперед его толкают,
Если жизнь ключом кипит.
Будет час, настанет время,

И проснется весь народ,—
Сбросит всякой власти бремя —
И свободно заживет.

* * *

Сила Пудович от скуки
Был до крайности убит
Острым горем тяжкой муки
И друзьями уж забыт.
В мире все над ним смеялись;
Веру в жизнь он потерял,—
Мысли путались, мотались;
Каждый день он увядал.
—Лучше спать на старых нарах,
Босиком всегда ходить,
Чем в богатых кулуарах
В одиночестве бродить,—
Сила часто втихомолку
От усталости твердил:
—Сколько в нашей жизни толку,—
Про себя он говорил.
Но в именье мысли этой
Не с кем было разделить,
И решил он, что каретой
Лучше в Питер укатить.
И послушному жокею
Тройку борзую велел
Заложить и на аллею
Вывесть.,. Кучер подлетел
Под крыльцо... Карета скрылась
Машинально за горой.
Только пыль везде дымилась
По дороге столбовой.

* * *

Вот и Сила уж в столице,
Средь знакомых и друзей,
В разукрашенной светлице,
Между графов и князей.
Но и здесь надоедает
Праздно время провожать,
И бездельник замышляет
Письма к Пете задержать.
Акт совсем не благородный
Совершить решил герой,
Но его пусть суд народный
Судит сам перед толпой.
Я ж ручаться перед вами
Совершенно не могу,
Что другие также сами
Все в подобную дугу
Не впрягли-б себя с досады,
И, коль спрятать все концы
Удалось,—не были б рады,
Не сказали б: "мудрецы".

* * *

У окна большой столицы
Каждый день Петр ожидал
От любимой им девицы
Писем, но не получал.
Он не знал, что получала
Их враждебная рука
И сожженью предавала,
Грудь терзая бедняка.
Петр, всегда уединенный,
Чахнул, горестно скучал;
На забвенье осужденный,
От досады изнывал.

* * *

Чашу горького сомненья
Очень часто выпивал
И нередко наслажденья
Он в графинчике искал;
И следы глубокой веры
В счастье жизни потеряв,
Распахнул широко двери
Кабака, и дикий нрав
Воскресил в груди батрацкой
Горьким ядом старины;
Утопил в грязи кабацкой
Честь проснувшейся страны.
Он по всей Руси скитался,—
Кочевал и горевал,
На кулачки смело дрался,
Водкой горе заливал.
Эх, бывало, как напьется,
Разгулявшийся батрак,
Покачнется, размахнется
И о стол бутылкой так
Стукнет крепко, что проснется
Сильно спившийся бурлак,
И невольно всколыхнется
Весь дымящийся кабак;
Зашумит лихая буря,
Вихрь подымется столбом;
Чисто—русская натура
Развернется за столом,
И от горя баритоном
Песнь родную запоет
Так, что город, точно звоном,
Разносящимся зальет.

* * *

ПЕСНЯ БАТРАКА,

Эх, зачем меня родная
Мать без счастья родила.
Жизнь так рано молодая
Безотрадно отцвела.
Я во мраке провождаю
Ночи долгие без сна,
Горе вечно заливаю
Ядом горького вина.
Жизнь проклятая толкает
В грязный омут кабака,
И глумится доля злая
Над судьбою батрака.
В тишине осенней ночи
Потухает уж луна.
Но кого же серы очи
Оболыцают? Где она? —
Чаровавшая глазами
И ласкавшая душой,
Всех пленявшая власами;
Воскрешавшая рукой
Счастье, радость и веселье
И постылые сердца...
Эх, ты, горькое похмелье,
Не видать тебе конца...
Теплых слов никто не скажет
Мне вечернею порой
И цветов букет не свяжет
Нежно лентой парчевой,
И булавкой золотою
Не приколет к сердцу мне,

Белой нежною рукою
Не прижмет наедине.

* *
*

После песни Петр слезами
Весь зальется и вздохнет.
Обведет людей глазами —
Снова громко запоет.

ПЕСНЯ БРОДЯГИ.

Эх, ты, матушка—Россия,
Широка ты, велика;
Блещут нивы золотые,
Льется славная река
По груди твоей широкой.
В праздный день колокола
Тайной радостью глубокой
Людям каждого села
В души юные вливают
Чашу сладости святой,
Грудь отрадой наполняют
Жизнерадости живой.
Солнце яркое сверкает,
Жизнь — как будто сладкий сон,
За горою замирает
Тихо утренний трезвон.
В нем звучит и скорбь и радость,
Горе, скука, тяжкий стон,
Упоительная сладость
И терзаний миллион.
Жизнь, как реченька, глубоко
Вдоль русла всегда течет,

И, как дева сероока,
К тайне молодца влечет.
Только мне везде, бедняге,
Скучно, грустно и темно;
На твоей груди бродяге
Вольно жить не суждено.
Нет мне счастья под луною, —
Молодого батрака
Жизнь суровою рукою
Ввергла в пропасть кабака.
Жизнь потухла на просторе
Для меня... Давай вина!
Утоплю я в нем все горе...
Жизнь страдания полна.

* *
*

Он коль спит, так богатырским,
Долгим, крепким, русским сном;
Коль проснется, так уж дерзким,
Громким голосом, как звон,
Смело, бодро, без стеснений
На весь мир заговорит.
В нем проснется мощный гений,
И от страха задрожит
Перед ним звезда востока,
Север, запад, старый юг;
От всевидящего ока
Побледнеет солнца круг.

* *
*

Он в вине находит сладость
И сияющий рассвет,
Воскрешая жизни младость
И веселье юных лет.
Он бокал весь в миг осушит,
Булку сразу проглотит,

Тишину, покой нарушит,
Бранью всех благословит.
Долго, горе заливая,
Он вино б бокалом пил,
Если б, по миру блуждая,
Нас пророк не посетил.

* *
*

По земле большой мыслитель
В это время сам блуждал
И убогую обитель
Нашу часто посещал.
Плыл он чистою рекою
Вдохновительных идей
И блаженною рукою
Сеял правду средь людей.
Быстро мысль его носилась
В облаках народной тьмы,
В гости к нам всегда просилась
И стучалася в умы;
И людей всех осеняла,
Пробуждая их от сна;
С горизонта изгоняла
Жизнь рутинную она,
Люди скоро просыпались
И, во мраке суетясь.
Новой мыслью заражались;
Шли вперед уж не боясь.
Петр был пасынок пророка,
Миру давшего завет,
И с убогого востока
Озарял умом весь свет.
Но теперь кабак проклятый

Совесть в Пете заглушил,
Искру жизни, ум богатый
Горьким ядом потушил,

* *
*

Никого на белом свете
Нет, кто мог бы воскресить
Жизнь Доброва в прежнем цвете
И мечты воспламенить,
Кроме той звезды рассвета,
Что пылающим огнем,
Как горящая комета
Воплотила Русь всю в нем.

* *
*

Марья Павловна старалась
Узел тайный развязать
И страдая изощрялась,
Как бы миру доказать,
Что она без провиденья
Может тайну разгадать
И без всякого сомненья
Снова счастьем обладать.
Долго Маша проводила
Ночи темные без сна
И никак не находила,
Кем судьба похищена.
Вот однажды мысль мелькнула,—
Руку помощи Петру
Маша быстро протянула.
Петр проснулся по утру:
В уголку мурлычет кошка,
И воркует меж ветвей
Над карнизом у окошка
Пара сизых голубей.
Он взглянул... С одра сорвался,

От восторга просиял,
Осклабился, растерялся...
Что же делать? Вдуг понял,
Задрожавшими руками
С голубей депешу снял
И усталыми глазами
По бумаге пробежал.

* *
*

Что писала в ней Орлова,
Нет нужды передавать
Скажем лишь, что жизнь Доброва
Стала вновь лучом сиять.
Он с огнем и злобой дикой
Вдруг помчался в Петроград,
Весь охваченный великой
Страстью мести, но был рад,
Что звезда его, Мария,
Озаряет мрачный путь,
И народная стихия
Русь готова всколыхнуть.
Он был рад, что враг надменный
В Петрограде уж гостит,
И поклялся всей вселенной,
Что ему он не простит
За те мерзкие проделки,
Что он подло совершил.
„О, как люди слишком мелки!“
Заключить он поспешил.

* *
*

В это время на планете
Нашей светлый идеал
На востоке, в высшем свете,
Как фиалка расцветал.
Сила Пудович невольно

Заразился им слегка
И решил, что уж довольно
Полевел он. Батрака
Машинально к Маше с вестью
На коне своем послал
И в посланьи клялся честью,
Что народником он стал.
Вместо скромного ответа,
Марья Павловна сама
Прикатила до рассвета
В Питер. Что же? Чуть с ума
Сила Пудович от счастья
И тревоги не сошел.
Но проклятый дух несчастья
Вновь дорогу перешел.

* *
*

Петр, подвохом возмущенный,
Тоже в Питере уж был
И, мечом вооруженный,
Окончательно решил
Силы тайную завесу
Перед миром распахнуть
И соперника — повесу
В красной крови окунуть.
Увидавши над Невою
Супостата, острый меч
Он занес над головою
И готов ее был с плеч
В миг снести, но о стихии!
На отчаянной руке
Руку нежную Марии
Ощутил он и в реке —
Тень ее... И взгляд небесный
Глаз отвагу сокрушил.

Он извял, как лист древесный,
Меч с досадой опустил.
Петр пред Машей извинился,
Пламя вспыхнуло в глазах,
Сила низко поклонился
И покаялся в грехах.
Марья Павловна простила
Силу Пудовича вновь
За преступок; об'яснила,
Что горячая любовь
К Пете в сердце не остыла,
Пуще прежнего горит,
Петю с Силой помирила,
И богатый сибарит
Пригласил в свои палаты
Машу с Петей на обед.

* *
*

Только знатные магнаты
За столом сидели. След
Праздной жизни отражался
На довольных лицах всех.
По покоям разражался
Беззаботный, громкий смех.
Соблюдался очень строго
Монотонный ригоризм.
В речи старого, младого
Ощущался эгоизм.
Эксцентрическая важность,
Фанфоронство, преферанс,
Галлицизм, кураж, вальяжность,
Дам манерный реверанс,—
Ореол и перлы тона
В высшем свете на Руси.
И придворная ворона

В стае — боже упаси—
Никогда без этикета
Не посмеет каркнуть вслух.
Человек без эполета
При дворе — простой пастух.

* * *

Засверкали золотые
Чаши, сладкое вино
Полилось в уста младые,
Гости старые равно
С ними вместе подымали
Чашу радости своей,—
Жажду страсти утоляли,
Поминали королей.
То, что меч поднял высоко
Полудикий азиат
На Россию и, с востока
Наступая, бил в набат—
Ветеранов не смущало...
— Нас „макаки"?... Что за вздор!...
Спокон века не бывало,
Чтобы Рос был побежден,..
Все уйдут с лихой судьбою,
Как ушел Наполеон.—

* * *

И великий триумфатор,
За столом поднял бокал,
В честь России, как оратор,
Речь блестящую сказал:
„Мы их шапками без драки
Забросаем господа;
Полудикие «макаки»
Не оставят и следа
В горах Дальнего Востока.

Мир весь знает уж давно,
Что свет бдительного ока
Потушить нам суждено.“

* *
*

Все спокойно улыбнулись
(Кто-то вслух сказал: „пора”)
Меж собой переглянулись,
Дружно крикнули: „Ура!“
Все шумели, толковали—
Наслаждались жизнью всласть,
Веселились, утверждали,
Что монаршеская власть
На Таврической твердыне
Ханом встарь учреждена
И к монашеской святыне,
Как с кале, пригвождена.

* *
*

Только чуждые их классу
Были всем им не чета:
Пообедав, на террасу
Вышли оба... Их уста
Что-то тихо прошептали
И затихли. Их умы
Мысль иную диктовали
Им для блага всей страны.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

В наши дни страною правил
Тупоумный человек
И Россию обесславил
Узколобием на век.
Всех в России в это время,
От купца до кустаря,
Как ярмо, давило бремя
Бестолкового царя.
Люд неволя тяготила,
Мысль к свободе всех влекла.
Но верховной власти сила
Слишком крепкая была
И народу диктовала
Плетью царские права:
В крепость смелых заточала
Лишь за мысль и за слова.

* * *

Люди юные пылали
Жаждой истины святой
И свободы ожидали,
Как минуты роковой.
Кровь охотно проливали,
Шли в трудящийся народ,
Жизнь за волю отдавали,
Оставляя весь свой род.

* * *

В светлом виде случай странный
Уголок наш посетил,—

Сила с Петей в день туманный
О свободе говорил.
Он чего-то волновался,
Часто думал, что сказать;
Очень искренно пытался
Пете Маркса втолковать.
Говорил он: — Нужно массы
Постепенно просвещать,
И враждующие классы
Будут сами исчезать.

* * *

Вот рабочим вы бы дали
Карла Маркса почитать,
Чтобы все они поняли,
За кого голосовать,—
И вождей своих послали
В парламенты, — защищать
С государственной трибуны
Их рабочие права,
Чтоб казаки иль драгуны
Не рубили, как дрова,
Всех рабочих, кто посмеет
Слово правды произнесть,

* * *

Что трудясь он не имеет
За свой труд довольно есть;
И вручили депутатам
Право слова и судьбу,
Чтоб с могучим супостатом
Повели за них борьбу.
Громогласными речами
Можно ложь всю обличить
И горячими словами
Всех рабочих пробудить.

— Ты прекрасно, друг мой, видно,
Карла Маркса изучил—
Теоретикам завидно—
Но о главном позабыл:
О трудящемся народе.
Стоит речь ли заводить,—
Скажешь ты мне, — ведь не в моде
О холопах говорить
В нашем пышном, высшем свете,
Где привыкли рассуждать
Об искусстве и балете
И прекрасно танцовать.
Но красивыми словами
Ты врага не победишь,
Революции речами
Никогда не совершишь.

* *
*

И с копьем на баррикады
Маркс-то Карл ведь не пойдет,—
Там, где свищут кононады
Книжной крови не прольет.
Там теория играет
Очень маленькую роль
И нередко так мешает,
Как в задаче лишний ноль.—
Петя сидя оппоненту
Хладнокровно отвечал,
Как в дискуссии студенту.
Деликатно замечал
Сила Пудович:

* *
*

— Ведь массы
Раньше нужно просветить,
Чтобы в день прекрасный классы

Можно было упразднить,
То-есть нужно так сначала
Взгляд на жизнь рабов развить,
Чтоб могли у капитала
Власть без бою захватить.
— Говорите вы пустое,—
Массы раньше просвещать,—
Разве можно в этом строе
Слово вольное сказать?

* *
*

— Людям жаждущим свободы
План ваш вреден и смешон.
Им нужны плоды природы
И ее святой закон.
Все правовавые законы
Навязал толпе юрист,
Чтоб свободно миллионы
Мог копить капиталист,
И чтоб можно было власти
Институты укрепить,
И для личной дикой страсти
Бедняков поработить.

* *
*

— Мы порядок сей нарушим,
Власть с лица земли сметем
И неравенство разрушим:
Все свободно заживем.
И разрушим не словами,
А булатом и мечом,
Да расправимся с врагами
И кровавым палачом,
Вот тогда лишь просвещенья
Для людей настанет час,

И досуг для развлеченья,
Жизнь и пир для бедных масс.

* * *

— Люди будущей коммуны
Все свободно будуть жить;
С государственной трибуны
Не позволят говорить,
Кто захочет миллионы
Граждан властью зауздать,
Или новые законы,
Вместо старых, навязать,—
Петр приятелю ответил,
И холодные друзья
Разошлись, чтоб не заметил
Мир, в тумане врозь скользя.

* * *

Петр безумный мир оставил
И в гусарский полк вступил.
Командир его поздравил,
Меч и пику подарил.
На коне своем ретивом
Всадник пышно раз'езжал,
И лицом своим красивым
Пышных девиц обольщал.
Очи юные сверкали,
Рдели щеки и уста—
Красных девиц чаровали,
Но душа была чиста.

* * *

На боку его болталась
Сабля острая звеня
И о ребра ударялась
Златогривого коня.
В глубине души таился

Возлелеянный завет,
На челе уж отразился
Зараждающийся свет.
Он был весел, горделиво
На коне своем сидел
И спокойно, молчаливо
На друзей своих глядел.

* *
*

Люди пристально глядели,
Но никто не понимал
Ни его блаженной цели,
Ни того, о чем мечтал
Этот юноша смиренный.
В уголку своем шептал
Чернокнижник: „Бес надменный
Не схитрил ли“ — и стонал.
Журналист иной пристрастный
В диссертации решал,
Что он просто — сын опасный
И напрасно упрекал
Всей Руси младое племя
В новой мысли.

* *
*

Царь искал,
Кто посеял мысли семя—
И шпионов рассылал
По земле Руси широкой,
Корень мысли отыскать,
Посадить во тьме глубокой,
Крепко в цепи заковать
И вокруг поставить стражу,
Чтобы свет не проникал
В эту вредную поклажу,
И ветвей не воскрешал.

Полководец снарядился
И в ряды построил рать,
И в поход было пустился
С азиатом воевать...
Слышен голос был команды:
„Вправо... влево..., шагом... стой!
(Веял ветер пропоганды)
Смирно... в ногу,.. ряды сдвой!“
А на площади широкой
Многолюдная толпа
Вправду с верою глубокой
Мирно слушала попа.

* *
*

На столбе была икона,
Возле ней большой амвон,
И, по правилу закона,
Речь держал отец — Гапон.
Он проклятыми устами
Речь святую говорил
И преступными перстами
Прихожан благословил.
Он пред массой лицемерил,
Нагло, подло, низко лгал,—
В Бога сам в душе не верил
И к Всевышнему взывал.
— Боже Вышний, Вездесущий
Иже Царь на небеси,
Наш народ, к царю грядущий,
От несчастий всех спаси.—
Громким голосом, но лживым,
Он Всевышнего молил,
Чтоб перстом Бог милостивым
Бедный люд благословил.

И, к народу обращаясь:
— Я вам, братья, говорю,—
Голословил задыхаясь,
— Если к батюшке царю
Мы соборным, крестным ходом
Мирно с верою пойдем
И поздравим с новым годом,
В ноги все ему падем,—
То к покорному народу
Выйти он благоволит,
Хлеб насущный и свободу
Дать немедленно велит.—

* *
*

И народ поверив плуту,
С обнаженной головой
Весь в проклятую минуту
Вдруг к царю пошел толпой.
Если Нестор благородный
Обойдет своим пером
Этот день, то гнев народный
Сам зарубит топором
На столбу больших явлений.
День девятый января
В жизни многих поколений
(С острым скипетром царя,
Обагрившего святую
Землю кровью) будет днем
Праздным. Люди кровь родную
Будут чтить, горя огнем.
Чувства горьких вспоминаний
Долго, **долго не уснут.**
Люди вопль больных страданий
Ежегодно помянут.

* *
*

На Руси смятенье было.
Пред иконой, помолясь,
Малорос сидел уныло,
За столом облокотясь.
Ночь была тиха. Лягушки
Громко квакали кругом.
В уголку своей лачужки
С озабоченным лицом
Он, задумчиво внимая
Воскресению весны
И глубоко сохраняя
Все преданья старины,—
Историческую трубку
С наслаждением курил
И за пазухою губку
Вместе с кремнем он хранил,

* *
*

Он сидел об'ятый думой
И клубами дым пускал...
Старый, мрачный и угрюмый—
Годы детства вспоминал.
Все пред ним вдруг воскресало:
Пылкость, смелость, конь, седло—
Красной лентой протекало
И к источнику влекло
Жизни юной, бурной, страстной
Запорожских казаков,
В круг веселый и прекрасный
Беззаботных чумаков.
Лес, украинское поле,
Днепр широкий, ровный шлях,
Безграничное раздолье,
И жестокий, чванный лях,
Надокучивший не мало

Безобразием своим,—
В крепкой памяти мелькало
В ярких красках перед ним.

* * *

Рос наивный возмутился
Кровожадностью царя.
Петр к народу обратился
С речью, с чувством говоря:
—Триста лет под игом рабства
Ты покорно спину гнул;
Угнетенный классом барства,
Лямку тяжкую тянул.
Нес ярмо ты вековое,
В нищете ужасной жил,
В сердце горе роковое
С болью острою хранил;
На других всегда трудился,
Праздный класс вином поил,
Богу искренно молился,
Море тайн в душе хранил.

* * *

Покорившись власти хана,
Ты в кровавый арсенал
Зверя грозного — Ивана
Пику, щит и саблю сдал.
У тебя права отняли
И заставили молчать,—
Нагло, подло, грубо стали,
Как товаром торговать;
Крепко в цепи заковали,
Зверски начали пытать
И собакам позволяли
Грудь жены твоей сосать;
Всю Россию обагряли

Кровью красною рабов
И нахально отнимали
Счастье, первую любовь.

* *
*

Злоба грудь твою терзала...
Ты понял и увидал,
Что коварный сын вандала
Все права твой попрал,
И, ломая молча руки,
Бесконечно ты страдал,—
Крик души, волненье, муки,
Горе — ядом заливал.
Истерически рыдая,
Ты слезами орошал
Всю Россию и страдая
Горе в песнях излагал.

* *
*

Долго рабскую веригу
Ты влачил в кромешней тьме,
Презирая свет и книгу;
Жил, как скованный в тюрьме;
В вековых тисках невзгоды
Беззаветно прозябал.
За годами мчались годы...
Ты во тьме не замечал.
Но в груди твоей проснулась
Смелость, воля, — ты сознал
Силу, — доля оглянулась
На тебя, и ты восстал.

* *
*

Баре скоро спохватились:
Мужику, мол, плохо жить,
И прекрасно ухитрились
Бедняков обворожить.

Царь России наизнанку
Рабство вывернуть велел.
Ты подумал, что гулянку
Получил — и присмирел.
Но — увы, — не изменилась
Жизнь твоя. Судьба — горька—
И по прежнему глумилась
Беспощадная рука
Над тобою; попирая
Честь, в чертогах пировал
Барин. Долю проклиная,
Ты по прежнему стонал.

* *
*

На судьбу свою роптая,
Долго правды ты искал,
Но ворот священных рая
На земле не отыскал.
Рай тебе не уготован,
И тебе в нем не бывать
До тех пор, пока ты скован,
Будешь цепями бряцать.
Раньше нужно ключ свободы
У врагов завоевать,
Победить вражду, невзгоды,
Рай общественный создать.

* *
*

Если жизнью наслаждаться
Ты желаешь, — встань, проснись,
Погляди, как веселятся
Птицы в небе, поучись,
Как других свободу нужно
Безусловно уважать;
Сообща все строить нужно
И друг другу не мешать.

Но красивыми словами
Дум нельзя осуществить,—
Нужно с сильными врагами
В бой решительный вступить.

* *
*

Я не жажду вражьей крови.
Человеческая кровь
Ненужна мне, — хмуря брови
Говорил он, — мир, любовь,
На святой своей эмблеме
Я давно уж начертал,
Но в общественном Эдеме
Поселился карнавал
Жизнь разгульную ведущих
Утопающих в вине,
Кровь ковшами вечно пьющих,
Сидя крепко на спине
У народа... Братья! С бою
Нужно счастье жизни брать,
Быстро, все, большой толпою
Стройте собственную рать.

* *
*

Без порядка и без строя
У площадного столба
На призывный клич героя
Собиралася толпа.
Лица жаждою горели
Воли, хлеба и земли,
Все свободе гимны пели;
Знамя красное несли.
Враг жестокий надвигался,
Как прилив морской воды.
На коне Добров метался,
Строя вольные ряды.

Сабли острые сверкнули,
И донесся голос: „пли“!
Затрещали залпом пули
Царской армии вдали.
Быстро двинулися роты
Верноподданных солдат
Стройной, доблестной пехоты
От монаршеских палат.
Вдруг раздался грохот пушек,
Тромпет пули засвистал.
Птицы стаями с верхушек
Крыш поднялись. Задрожал
Питер весь, как лист кленовый;
Пошатнулся царский трон;
Разостлался дым багровый,
И раздался крик и стон.

* *
*

— Стойте смело, не волнуйтесь,
Враг сробел, коль пушки в ход
Уж пустил. Дружней столкуйтесь;
Скоро выйдет весь народ.
Ядра пушек разоб'ются
О твердыни наших сил,
О ряды борцов согнутся
Копья вражьи, — говорил
Петя, — Стройте баррикады!—
И барьер мгновенно рос.
Грохотали кононады;
Бил в набат убогий росс.

* *
*

Люди с голыми руками
В рукопашный рвались бой
С петроградскими полками,
Петр подал сигнал рукой,

И пошла вдруг перепалка,
Обагрился кровью меч...
Все смешались в кучу... свалка...
Голова катилась с плеч.
Страх, расудок, размышленье,
Чувства, боль смертельных ран—
Вмиг забыто, — озлобленье,
Ярость, страсть, как ураган,
Всюду в Питере бушуют,
Разжигают пыл и страсть,
Царь с царицею пакуют
Свой багаж, теряя власть.

* *
*

Бродит грозная ватага
Взбунтовавшихся рабов,
Дышит дикая отвага
В их груди, рекою кровь
Льется, с пиками казаки
Вдоль летают на конях;
Лают жалобно собаки;
Растерялись „на верхах."
Царской армии солдаты
Взбунтовались — и бегут
Без порядка, все палаты
Задрожали,

* *
*

Старый плут
Николая уверяет.
Что его монарший трон
Ангел с неба охраняет.
Николай (второй) поклон
Бьет Распутину от страха
В ноги; слезы — на глазах,
Ниже мнимого монаха

Опускается монарх.
Перед ним он на колени
Опускается, как раб,
Видит призрачные тени...
О, как жалок он и слаб.

* *
*

На коне своем ретивом,
Битвы жаждою горя,
Петр в огне неуловимом,
Ничего не говоря,
Рубит саблей, колет пикой—
Враг дрожит пред ним, как лист —
Он с надеждою великой,
Как честной идеалист,
Всех готов в борьбу и смуту
Личной волею ввергнуть,
За свободную минуту
В море крови утонуть.

* *
*

Канул в вечность дух пощады;
С окровавленным мечом
Петя рушит все преграды,
С всероссийским палачом
Силы меряет; ликует
С броней в пламенном огне
И безжалостно гарцует
На лихом своем коне
По людям и павших трупам—
Брызжет кровь из под копыт—
Отдает приказы группам
Добровольцев; сам покрыт
Потом, пылью; быстро мчится
К трону русского царя.

* *
*

По груди его струится
Кровь из раны. Бунтаря
Дух свободный злобой дышит
Против сильного врага.
Тяжкой раны он не слышит.
Пети смелая нога
Не вздрогнет, когда чрез тело
Он царя перешагнет.
Он свершит благое дело,—
Гнет монарший разоб'ет.
Слишком много накипело
Злобы в сердце бедняков,
И на теле наболело
Ран кровавых от оков.

* *
*

Нету сил терпеть уж доле .
Обездоленная рать
Хочет вольно на раздолье
На равнинах погулять.
За селеньями селенья
Восстают средь бела дня,
И помещичьи именья
Рдеют пламенем огня.
Мужики собрали силы,
Чтоб отнять у бар весь грунт,—
Взяли в руки косы, вилы
И подняли всюду бунт.
Русь убогая проснулась
От томительного сна,
И свободы улыбнулась
Ей прекрасная весна,
Жизнь везде зашевелилась
От Алтая до Кремля,

Красной кровью обагрилась
Вся российская земля.

* *
*

Петя грозно размахнулся,
Побледнел пред ним кумир:
От испуга всколыхнулся
Взбаломошенный весь мир.
Вот Добров стрелой несется
К Петергофу. С свитой царь
Без сраженья не сдается.
Петр решительный удар
Силам царским вдруг наносит,
И последние полки
Разбивает. Мира просит
Царь. Ликуют мужики.

* *
*

Волны радости бушуют.
Царь свободы манифест
Издает. Все торжествуют.
Старый рос рукою крест
Пред иконою святою
Исторически кладет
На себя и всей душою
Чашу счастья, жизни пьет.
Бьют победу барабаны,
Поздравляют все Петра;
Мчатся битвы ветераны,
Слышно громкое „ура!“

* *
*

Улыбается Росссии
Солнце. Радости букет
Расцветает. Все витии
Славят Петин этишкет,
А на черном поле сечи

Подбирают жертв войны.
Павшим в битве перлы рѐчи
Совершенно не нужны.
Вражьей пулею сраженный,
В луже крови раб лежит;
В глубине дупии блаженной
Совесть сном смертельным спит.

* *
*

Не успели всех в могилы
Опустить тел с торжеством,
Как на поле вражьи силы
Появилися гуртом.
Кто мог думать в жизни бренной,
Что, священный дав обет,
Царь предательской изменой
Удивит весь белый свет.
Разве только Петр да Маша
Знали то, что автократ,
Коему подвластна наша
Русь была, готов сто крат
Изменять свои обеты,
В мрак Россию погружать
И народные советы
Все на плаху посылать,
Лишь бы славная корона
Была этим спасена,
Власть монаршеского трона
Навсегда укреплена.

* *
*

Разгулялися черкесы
И донские казаки
По всем улицам Одессы:
Сабли, пики и штыки
В ход безжалостно пускали.

Всколыхнулася Москва,
Люди в крови застонали;
И по всей Руси трава
Пожелтела от мороза;
Ветер северный подул,—
Воли в миг завяла роза,
Необузданный разгул
Черной рати вновь поднялся;
Растерялася толпа.
Петр с отвагою сражался.—
В битве каждая стопа
На бульваре Петрограда
Кровью жертв обагрена,
И из них росла преграда,
Как китайская стена.

* *
*

Враг свирепый пробивает
Брешь и приступом берет
Петю, залпом осыпает,
Шлет в аттаку десять рот.
Вот Петра он окружает,
Как кольцом, со всех сторон;
Петя тучи отражает
Вражьей силы — на рожон
Кон ретивый налетает,—
И воспетый наш герой
Бой решительный теряет,
Вниз поникнув головой.

* *
*

Враг ему мечом наносит
Победительный удар.
Но пощады он не просит...
Торжествует русский царь.
Петя кровью истекает—

Весь в пылающем огне,..
Вражьи цепи прорывает
Маша, — к Пете на коне,
Точно вихорь подлетает,
Подымает друга вмиг—
И стрелою улетает
С ним, чтоб враг их не настиг.

* *
*

В наше время эти сказки
Превращались часто в быль.
Пете сделать перевязки
Было некогда, и пыль
По пути из Петрограда
Закружилася столбом.
И в восторге Маша, рада—
Петр в забвенье впал совсем.
Ран тяжелых сильной боли
Он не слышал на пути,
Сердце жаждущее воли,
Крепко билося в груди.
И мучительных страданий
В жаре он не ощущал,
Лишь от пламенных лобзаний
Маши тихо ей шептал
Что-то сладостное, — сколько
Чувств и неги в нем было.
В душу огненную только
Счастье вечное текло.

* *
*

О, как рад был он, что друга
Встретил в час сей роковой!
Та бесценная услуга
Что божественной рукой
Маша Пете оказала,

Воскресила веру в нем
Б подвиг, — снова запылала
Жизнь в груди его огнем.

* *
*

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Ног не чуя под собою,
Конь стремится, как стрела,
Пыль густою пеленою
На него кругом легла.
Но куда ведет дорога,
Знают только небеса,
По Руси гремит тревога.
Водопадом волоса
На плечах Марии вьются,
Губы яхонтом горят,
Очи Маши не смеются—
Скорбь суровую хранят.

* *
*

Затихают всюду споры,
Воцаряется печаль;
Спят долины, дремлют горы.
По равнинам снова шаль
Буйной силы воскресает
Царских витязей. Волна
Бурь народных затихает,
Жизнь страданьем вновь полна.
Царь отдал приказ Россию
Всю до нага обыскать
И опасную Марию
С грозным Петею поймать.

Он послал гонцов за ними:
В раз'ездную по следам.
Но они не уловимы,—
Точно тень по облакам
На коне своем мелькает—
Он летит во весь опор—
Часто с виду исчезает
Там в ложбинах между гор.
Тень на землю мрачной ночи
Пала. Мрак окутал мир.
Петр сомкнул младые очи.
Царь устроил славный пир.

* *
*

Не дано Петру судьбою
Вражьей силы сокрушить,
Взять ключи свободы с бою
И рабов освободить.
О промчавшейся свободе
Петр не станет слишком вдруг
Надрываться, коль в народе
Уцелел свободный дух.
То, что он теперь сраженье
С вражьей силой потерял,
В грудь высокую сомненье
Не внедрило.

* *
*

Он не пал
Духом. Вера в нем теплится,
Что пред ним не раз вздрогнет
Враг коварный, и роится
Мысль, что Русь всю всколыхнет
Он когда-нибудь, основы
Старой жизни пошатнет,
Вырвет с корнем куст терновый;

Гниль с лица земли сметет;
Света яркими лучами
На земле рассеет мрак;
Возведет под небесами
Кристалический маяк
Культа жизни до Венеры;

* *
*

Грусть народную смягчит;
Воспитанием манеры
Всех невежд он утончит
И общественную душу
Без богов пересоздаст;
Обратит моря все в сушу;
Накопившийся баласт
В узкой области мышлений
Бросит в вечность прошлых дней,
И, для крупных обновлений
Жизни, собственных идей
В ум пытливый человека
Словом праведным вольет;
На крутом закате века
От трудов всех отдохнет.

* *
*

Так в потемках за горою
Про себя Петр рассуждал;
Саблю крепко сжал рукою,
От смертельных ран дрожал.
Новая на нем кольчуга
Вся изрублена была.
Драгоценная подруга
Нежно с плеч ее сняла;
Перевязку ран кровавых
Пети сделала платком;
Новый страх врагов лукавых

Воскресила этим в нем,

* * *

Петр к груди своей руками
Марью Павловну прижал
И засохшими устами
Горячо поцеловал.
Маша Петю напоила
Из источника водой,
Жажду легких утолила.
Ветви жизни молодой.
В Пете снова встрепенулись.
Он припал к сырой земле.
Меж собой переглянулись
Гор вершины, дуб во мгле
К Пете тихо наклонился
И шепнул, что наглый враг
Вновь копьем вооружился—
Окружил его овраг.

* * *

На верху скалы высокой
Коршун, клюв поджав, сидел
И с презреньем, сквозь глубокий
Мрак ночной в овраг глядел.
Но другой орел угрюмый
От заботы почивал
И на дикости безумий
Человека взгляд бросал.
Враг Доброва и Марию,
Наконец, без бою взял
И к ногам поверг Росссию
Снова. Крепко заковал
В цепи пленников и к казни

* * *

Без суда приговорил
Петр и Маша без боязни
Шли на плаху.Царь струсил:

* * *

Смертный приговор в волненье
Дал приказ вдруг отменить
И в Сибирь на поселенье
Их сослать иль заточить
В Петропавловскую крепость
На всю жизнь, — пусть там гниют.
Вновь реакции свирепость
Торжествует. Гордо пьют
Царь с царицею бокалом
Кровь, как сладкое вино,
С знаменитым генералом...
На Руси опять темно.

* * *

Маше лучше вечно в цепи
Быть закованной с Петром,
Колесить в оковах степи,
Провести ночь над Днепром,
Жить в пустыне, где от солнца
Тело белое горит,
И пустынного питомца
Весь простор благотворить,—
Чем блуждать одной в тумане,
Изнывая от тоски;
Проводить всегда в страданье
Дни и сердце на куски
Рвать от скуки и досады;
Плакать горько и рыдать;
Ждать от доли злой пощады
И, сквозь сон всегда вздыхать.

* * *

Лучше в поле с милым другом
Быть расстрелянной врагом,
Чем с ненавистным супругом
Жить в чертоге дорогом.
Но судьбе было угодно,
Омрачая свод небес,
Пошутить, — и враг свободно
Вновь гуляет. И черкес
Машу с Петей разлучает
По веленью царя
И в темницу заточает
Бунтовщицу, бунтаря.

* * *

На прощанье склонила
Маша голову на грудь
Пети и проговорила
Со слезами: „Не забудь,
Друг мой милый, что люблю я
Только волю и тебя.“
Щеку жаром поцелуя
Обожгла ему. Грубя
Варвар Машу из об'ятий
Пети вырвал. Дверь тюрьмы.
Вдруг захлопнулась: проклятий
Голос слышался из тьмы.

* * *

Дни суровые умчались
Заковавшей жизнь зимы.
И цветами покрывались
Все равнины и холмы.
Петр усталый из темницы
Чрез туманное окно
Вдаль глядел, где вольно птицы
Щебетали уж давно,

Где волнами вечно море
Ноги мыло берегов,
И коврами на просторе
Ширь незыблемых лугов
Покрывалась. Воскресало
Все. Весенний ветерок
Веял. Солнышко сияло,—
Каждый в мире уголок,
Кроме клетки, где дышало
Сердце узника — Петра,
Теплотою согревало
День весь с раннего утра.

* * *

Петр от долгого безделья
В заточении устал,
Жаждет воли и веселья,
Как орел средь синих скал.
Но широкою водою
Оградилася тюрьма.
Полудикою ордою
Подневольников ярма
Охраняется. Стеною
Точно храм обнесена
И кровавой пеленою
Вся окутана она.
В полумрачном коридоре
Вечно ходит часовой,
Двери — крепко на запоре.

* * *

Ночь. Кругом царит покой.
А в тюрьме все суетятся
Раздается брани звук,

И секиры слышен звук.
За стеной готовят плаху,
И на площади двора
Чья-то преданная праху
Жизнь падет от топора.

* * *

О, какой кошмар об'емлет
Жизнь того, что за стеной
Мрачной тени смерти внемлет
Сострадательной душой!
Сыну совести Толстого
Легче голову отдать,
Чем глядеть, как у другого
Жизнь готовятся отнять;
И смотреть, как с плеч широких
С кровью скатится глава;
И сквозь щели стен высоких
По Руси о ней молва
Пронесется ураганом.
Русь тяжело вся вздохнет—
И под старым балаганом
Вновь в бессилии уснет.

* * *

Петр, надеждой обольщенный
Верил в то, что жизнь ему
Улыбнется вновь рожденной,
Заглянет в его тюрьму.
Но покою не давало
Сердце, грудь томя во сне,—
Постоянно трепетало,
Страшно мучаясь в огне.
И от скуки изнывая
От того, что за стеной

Грудь вздымалася младая
Героини боевой.

* *
*

Раньше Маша, как синица,
Под луною жизнь вела,
А теперь ее темница
Хладным мраком обняла.
Слов родных приятной речи,
Крика — шалости детей,
В битве грохота картечи,
В поле пенье журавлей
И мелодии народной
В душу льющейся струей,—
Уж не слышит слух свободный
Маши... Глухо,.. Скучно ей.

* *
*

Тишина царит немая,
Все молчание хранит;
Жизнь, спокойствию внимая,
Сном смертельным вечно спит.
Только ветер завывая
Иногда над всей тюрьмой
Пролетит, усугубляя
Грусть и скуку, — над судьбой
Маши злобно посмеется,
Похохочет, застучит
К ней в окошко, встрепенется
И без вести улетит.

* *
*

Как в могиле, в заточенье
Пусто. Вянет жизни цвет.
В душу вкралося сомненье,
И отрады яркий свет
Никогда не проникает

В круг страданий роковых.
Мир окруженный прозябает
Весь в кабалах вековых,
О Бастилии стихами
Много мог бы я сказать
И свободными штрихами
Ужас пыток начертать,
Но читателя напрасно
Я не стану утомлять.
Каждый знает, как ужасно
В заточении страдать,

* * *

Мы пока оставим остров
И на нем тюремный дом,
И его высокий остов,
Крепко скованный кругом,
И опять лучи светила
Наведем на уголок,
Где застрял герой наш — Сила,
Без Марии, одинок.

* * *

Сила Пудович, бледнея,
Вниз рассеянно глядел,
Как на море кочепея,
Глубоко душой скорбел.
О, как рад бы был он ныне,
Если-б сердце из груди
Мог он вырвать и в пустыне
Навсегда уснуть среди
Гор высоких, молчаливых,
В вихре жизненных невзгод,
В день суровых, шаловливых
И жестоких непогод.

* * *

Мир смешон ему, он — миру...
Все на свете суета;
Раньше кланялся кумиру,
А теперь его уста
Шлют проклятия вселенной
И тому, кто все создал;
Наградил уединенной
Жизнью Силу, чтоб страдал
Он всегда, как раб несчастный;
Чашу счастия не смел
Выпить. Мир ему прекрасный
Уж совсем опротивел.
Мрак повис на небосклоне,
Навсегда упла она,
И такой и в Альбионе
Не сыскать: лишь ей дана
Красота, какой не знала
Ни одна еще страна.

* * *

Маша мир весь удивляла,
Вставив ноги в стремена
И подняв за жизнь и право
Обнаженный, острый меч,
И вступив в бой велачаво.
Отвечала ей картечь.
Весь в мучительном забвенье
Сила Пудович стоял
В час, когда было сраженье
И волнуяся дрожал.
Он стоял один вздыхая
У открытого окна,—
Видел оком, как, сверкая

Саблей, в бой рвалась она;
Как огнем горели взоры;
Рдело белое лицо;

* * *

На ногах звенели шпоры,
И алмазное кольцо
На руке ее сияло
В тот момент, когда рука
Меч блестящий подымала.
Небо в грани облака
Над главой ее смыкало
И порфирой голубой
Свод небесный покрывало.
Видя кровь на мостовой
Сердце Силы замирало;
Ужас им овладевал;
Перед ним в огне мелькало
Море горя. Он страдал.

* * *

Луч терзающих страданий
Был в груди его зажжен,
И чувствительных сознаний
В нем проснулся миллион.
Он понял, что жизнь России
Превратилась в страшный ад,
И сочувствовал Марии
В грозной битве, — даже рад
Был помочь ей, но боялся
Меч булатный в руки взять
И под знамя не решался
С бедняками вместе стать.

* * *

Он к убийству, к ранам, к крови
Отвращение питал

И из ада в светлый, новый
Мир уж выхода искал
Мирным, честным, благородным
И протоптанным путем.
Представительством народным
Все проблемы он потом
В государственном соборе
Собирался разрешать
И врагам свободы в споре
Их ошибку доказать.
Он всеобщие науки
Мимоходом пробегал
И с достоинством брал в руки
Карла Маркса „Капитал".

* * *

Иногда он в кабинете
Сам теории писал;
Секретарь его в пакете
Их куда-то отправлял.
От кровавых столкновений,
Как от смерти убегал.
Сколько страшных сновидений
После битвы он видал!..
Кровь и огненные горы;
Вопли, грохот, гром и стук;
Крик зловещий, плач и споры;
Стон тяжелый в недрах мук—
Перед ним во сне роились,
Превращая жизнь в вертеп,
Мрачным вихрем уносились
В хладом дышащую степь.

* * *

Иногда пред ним толпились
Города, монастыри;
Над главой его носились
Чуждых стран богатыри.
И порой ему казалось,
Что весь мир огнем горит,
Пред глазами расширялось
Небо: мраморный гранит
Небосклона покрывался
Тьмой густою и пылал
Грозным пламенем, шатался
И куда-то исчезал.

* * *

Были мрачные минуты,—
Падал в бездну весь наш шар,
Подымались всюду смуты,
И господствовал кошмар.
В исступленьи часто страшном
Неподвижно он сидел
И в отчаяньи ужасном
В небо пристально глядел;
И со злобой и презреньем
В верх указывал перстом,
Как пророк перед затменьем.
Но на облаке пустом
Ничего не отражалось,
И царила тишина;
Горе в грудь людей вливалось,
И томила старина.

* * *

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Вот однажды загремели
Двери. Маши и Петра
Цепи громко зазвенели.
Снег декабрьского утра
Захрустел под их ногами,—
Путь открылся пред лицом.
С обнаженными штыками
Там конвойные кольцом
Цепь железную сомкнули
И отправились в поход.
Петя с Машею вздохнули,
Поглядев на небосвод.
Перед ними путь далекий
Красной лентою лежал,
И простор его широкий
Мрачным видом окружал...
На дворе мороз суровый
От сжимания трещал.
На востоке круг багровый
Непогоду предвещал.
Петроград в густом тумане
Зимним сном спокойно спал
И героям на прощанье,
Притаив свой дух, шептал
Тихо что-то, ободряя

Дух изгнанников в Сибирь.
Злобным взглядом провожая,
Вслед за ними шел башкир,
Вид столицы скоро скрылся,
И незыблемый ковер
Снега белого ложился
На недвижимый простор,
Тихо, остро ветер веял,
Мчались тучи чередой;
Над главою ужас реял.
За высокою грядой
Вдоль туман густой клубился.
Утопал весь мир во мгле.
Тайный сумрак отразился
На страдальческом челе
Юной девы.

* * *

Кандалами
Крепко скованной идти
Трудно слабыми ногами.
Маша часто на пути,
Как дитя, ослабевала—
Кровь струилася из ног—
И от холода дрожала,
Петр ничем помочь не мог.
Он и сам весь был в отрепьях.
Раньше в славных сапогах
Подымал врагов на коньях,
А теперь вот на ногах
Только тряпки остались.
Цепи сталью, как вампир,
Крепко в тело ног впились;
И окутан мраком мир.

* * *

К глотке Пети подступали
Слезы. Тяжко он вздыхал,
Волны бурные печали
Волновали грудь. Устал
Он. За рабскую Россию,
По снегу в Сибирь шагал
И бессильную Марию
Крепко под руку держал.
Шли они так дни и ночи
По пустыням и степям,
Оба выбились из мочи.
Кандалы их по костям
Не щадя всегда трепали.
По приказу палача
Стражи грубые толкали
Их прикладами в плеча.

*
* *

Дуб развесистый, ветвями
Шевеля, протестовал
И безмолвными устами
Тайны мрачные шептал.
И казалось, что страданья
Их сей дуб переживал,—
Кубок горького молчанья
В знак протеста выпивал.
Образ варварских изгнаний
В тайгу, в тундры, в Забайкал
И жестоких истязний
За священный идеал
Он своим прозорным оком
Здесь не раз уже видал

И в унынии глубоком
Возмущаяся шатал
Головой своей кудрявой;

* *
*

Скорбь и горе отмечал
На груди своей корявой
И в глуши повествовал
Буйным ветрам сказки горя,
Историческую быль;
Вечно с бурей грозно споря,
С веток стряхивал всю пыль.
Он свидетелем зимою
Был, как смерч летел столбом,
И записывал рукою
В исторический альбом
Все страдания людские,
Жертвы, павшие в борьбе,
На пути в края чужие,
Ставил крест на их судьбе.

* *
*

Он с глубоким сожаленьем
На борцов теперь глядел
И, как вихрь, со ожесточеньем
В знак сочувствия шумел.
Бушевала буря злая
Средь белеющих громад.
Глаз с Доброва не спуская,
Страж держался за приклад.
За белеющим курганом,
Глядя прямо на простор,
Был окутан весь туманом
Снежных вихрей старый бор.

Он курган могил глубоких
Безвозмездно охранял
Павших жертвою жестоких
Пыток царских канибал.
В них хранились трупы юных,
Силой сломанных борцов,
За свободу угнетенных,
Проливавших щедро кровь.
У подножья гор высоких,
На стремнинах синих скал,
На утесах и глубоких
Реках снег, как перл сиял.

* *
*

Бури снегом заметали
В Забайкал прошедших след.
Вихри скучно напевали
Песни горя, мук и бед.
Перед Петей роем тени
Пролетали, — тьмы кошмар
Воскрешали. За колени
Дрожь хватала. Сильный жар
В глубине груди клубился.
Петя чахнул, изнывал,
Убивался и томился,
И сознание терял,
Глядя скорбно на подругу
И ее тяжелый крест.
О, как холод, голод, вьюгу
И приклада грубый жест
Маша тихо, молчаливо
В трудный час могла сносить
И, как в битве, горделиво

О пощаде не просить.
Кто мне женщину укажет
За пределами Руси,
Как Орлова, тот развяжет
Узел жизни. Принеси
На алтарь свободы столько
Мук все люди, как она,
Жизнь народная не только
Вечно сладко, как весна
Бесконечною рекою
Улыбаяся б текла;
Но божественной рукою
По пути-б вперед несла
Факел счастья и прогресса
Для грядущих в мир племен,
И давно дух мракобеса
Был бы светом побежден.

* *
*

Но — увы! Мир, нищий духом,
Презирает тех людей,
Кто глубоко верит слухам
О завете сих идей.
А кто мужества насильно
Не желает подавлять,—
Сеет мысли вслух обильно
И решается сказать
Правду горькую открыто,—
Для того всегда окно
От людей стеной закрыто,
И в углу его темно.

* *
*

Тот, кто делает попытки
Стену мрачную разбить,
Узнает, как сладки пытки,
И рискует угодить
На последней моды плаху,
На прощанье получить
Погребальную рубаху
И смертельным сном почить.
Тяжело средь наглой черни
Человеку правдой жить
И в священный час вечерни
Богу истины служить.
Хамы, каины, тираны,
Фарисеи и ханжи
Любят мерзость и обманы,
Строят жизнь свох на лжи.

* *
*

Наконец, их принимает
На свою льдяную ширь
И безжалостно ввергает
В тундры холода Сибирь.
Взглядом странники обводят
Развернувшийся простор
И приют себе находят
У подножья снежных гор.
Небеса их прикрывают.
Звезды в качестве лампад
Уголок их озаряют
Ночью. Днем приятный взгляд
Солнца луч на них бросает.
Запрещая спать, мороз

Вечно в душу проникает.
Над главами — уйма гроз.

* * *

Буря снегом обвивает.
Голод давит каждый день.
Острый ветер их сжимает,
Часто мрак бросает тень
На златую скатерть снега;
Звезды тухнут в небесах,
В ночь бессонного ночлега,
Точно воин на часах,
Глаз герои не смыкают —
Холод, — можно околеть—
И друг к другу приникают.
Чтобы дух в грудях согреть.

* * *

В тундрах снежных и холодных,
Средь белеющих пустынь,
Жизнь усталых и голодных
Жгла, как горькая полынь.
Надрывались быстро груди.
Черепашьим шагом шли
Дни. Оторванные люди
От культуры не могли
Их божественной идеи
Так, как следует, понять
И решили, что злодеи
Жизнь пришли у них отнять.
Полудикие башкиры
Их чуждались, как зверей.

* * *

Лоно снежное Сибири
Скатерть белую степей
Перед ними разостлало,
Но улыбкой, как гостей,
В трудный час не обласкало.
На с'еденье в пасть зверей
Бросил враг их. Часовые
Стерегли со всех сторон.
Берега озер крутые
Окружали их район.
Реки крепко всюду льдами
Заковало. Занесло
Балки бурными снегами.
Гор вершины облекало
Серебристой пеленою.

На дворе мороз трещит.
Маша с Петей, как стеною
Окруженная, сидит
И решительно не знает,
Что грядущий может час
Принести; как свечка, тает
И с Петра не сводит глаз.
Оба пленника страдают...
В жизни нечего жалеть.
Одного они желают,
Чтобы вместе умереть.

* *
*

Пете с Машей в вихре муки
Не пришлося вместе жить
Очень долго, ужас скуки,
Грудь терзающий делить.
Враг лишил их бедной музы,

Их сердца пронзив насквозь,
И, расторгнув счастья узы,
Их пути раздвинул врозь.
Побрели они, страдая,
По ложбинам и горам.
Груди больно надрывая,
Шли, как тени по морям.
Из сердец их кровь струилась,
Снег следы их сохранял,
Жизнь чуть-чуть в грудях теплилась,
Идеал их согревал.

* * *

За высоким перевалом
Огонек во мгле сверкал,
Разлученым Забайкалом
Снова встречу предвещал.
Петю силы оставляли,—
Еле-еле он шагал,—
Ноги в снеге утопали,
Пот холодный выступал
На челе его усталом;
Он рукой его стирал.
Вдаль тянулись карнавалом
Горы, кряж на них лежал.
В глубине переживаний
Громко цепями звеня,
Он в ряду воспоминаний
Видел саблю и коня.

* * *

Ни о чем на белом свете
Петр так сильно не жалел,
Как о том, что на планете
Нашей грешной потерпел
Пораженье в дни восстаний,
Меч и пику потерял,
Крест мучительных страданий,
Как последний трус принял.
„Лучше все на свете было
Вместе с жизнью потерять
В грозной битве, чем уныло
По утесам гор бряцать

* * *

Кандалами, проклиная
Долю, счастье и Сибирь,
И глядеть, как враг, сзывая
Знатный мир на славный пир
В честь победы, веселится
И народ весь за царя
По церквам опять молиться
Заставляет. Петр, горя
Диким, ярким, бурным гневом,
Мысль такую воплощал;
Укоризненным напевом
С горя песню напевал,

* * *

Не один герой в руинах
Чуждых раньше обитал
И на призрачных лощинах
Льда кристального пропал.

Только след меж скал высоких
Был огнем запечатлен,
И идей его глубоких
Светом факт восстановлен.
Много хладные долины
В недра приняли свои
Юных жизней без причины.
Руки белые мои
От одних воспоминаний,
Как кленовый лист, дрожат.

* *
*

Пытки грубых истязаний,
Точно призраки, скользят
Предо мною. Холод веет
От теней их. Стынет кровь.
В сердце дух мой леденеет...
Описать все нету слов,
Слыша вопли, возмущался
Царским варварством весь мир
И нередко содрагался,
Слыша слово лишь — Сибирь.
Как лишь только поминали,
Где угодно этот край,
То по телу пробегали
Тени страха. И Китай
Необ'ятными плечами
От смущения стискал
И окошко кумачами
От Сибири заслонял.

* *
*

Петр однажды в полуночи
Скудный домик увидал,

Посмотрел, поднявши очи,
Подошел к ней, постучал
В дверь дрожащею рукою
И оттуда услыхал:
— Кто там позднею порою
Сон глубокий мой прервал?!—
Скоро настежь распахнулась
Дверь. Пред Петею предстал
Сила. Хата всколыхнулась,
Как волна... И Петр упал.
Сила долго над Добровым
В нерешимости стоял
И насквозь его суровым
Взглядом смутно пронимал.
От смущенья помутился
Непривычный к бурям ум,
Колесами закружился
В голове бродящий шум.
Наконец, он спохватился
И Петра с земли поднял,
Ум его вдруг прояснился,
Дух в груди затрепетал,
Он решил безповоротно,
Что проклятая судьба,
Наконец, ему охотно
Улыбнулась, и изба
Ярким светом озарилась,
Запылал огонь в глазах,
И улыбка отразилась
На младых его устах.

* *
*

На дворе гуляла вьюга,
Снег дороги все замел;
Приняла Петра лачуга,
И в себя он вновь пришел.
Сила Пудович сердечно
Ухмыляясь, просиял
И от радости, конечно,
Пете ликеру бокал,
Сохраняя вид покорный,
С умилением подал,
И в груди его притворный
Голос громко прозвучал:

* *
*

Тяжела судьба, друг, наша,—
Ты изгнанник, я метусь...
Где... куда пропала Маша?....
О, страдальческая Русь!...
Скоро ль снова головою
Ты мужицкою встряхнешь,
Топнешь босою ногою,
Спину гордо разогнешь
Так, чтоб цепи вековые
Навсегда слетели с ног,
И проклятья роковые
Монархический чертог
В пропасть тьмы с лица России
Безвозвратно унесли,
Мысли светлые Марии
Факел радости зажгли.—

* *
*

Спич закончив, он Доброву
Кубок яду вдруг подал—
И решил, что он Орлову

У Петра отвоевал.
Долго запертый в лачуге,
Петр в безчувствии лежал
И не знал, что враг к подруге
По следам ее скакал.
Силы Пети яд горючий
Горьким зельем не сломил,—
На заре герой могучий
Двери хаты отворил
И по склону гор спустился
На ложбину Иртыша,
И в далекий путь пустился.

* *
*

Пети пылкая душа
Воли, жизни и простора
Страстно жаждала всегда.
От лихой судьбы и горя
Он решил уйти туда,
Где как будто луч свободы
Светом истины сиял
И житейские невзгоды
Счастьем жизни озарял.

* *
*

Тройка борзая несется
По горам и по долам,
Стройный топот раздается,
Снег кружится по следам.
Ветер веет, буря злится,
У младою седока
В глубине души таится

Мука скука и тоска;
Пот холодною росою
Выступает на челе,
И преследует рукою
Призрак совести во мгле.
Призрак душу раздирает.
Надвигается гроза,
И от скорби замерзает
На щеке его слеза.
Раздирает грудь кручина,—
Видят только облака,
Где — трагедии причина
Молодого седока.
Сам себя он презирает
И поднять не смеет глаз
На свет белый; проклинает
Преступленья мрачный час.

***

Но вот вдруг он догоняет
Марью Павловну — и страх
Моментально исчезает.
На поблекнувших глазах
Радость снова воскресает.
В жилах жизненная кровь
Красным пламенем играет,
И горячая любовь
Грусть с лица его стирает,
Он ей руку подает,
В шубу быстро одевает,
К тройке под руку ведет.
Наступает час сомненья...
Сила Пудович — в огне.

Маше тайну преступленья
Открывает, как во сне.
И минута роковая
В жизнь вторгается опять.
Свет темнеет... Замирая,
Маша просит шубу снять
И убийцу оставляет:
— Уходите, сударь, с глаз,—
Маша Силе заявляет,—
— Не могу глядеть на вас
Я открытыми глазами...
О, судьба!.. Последний раз
Говорю теперь я с вами!!—

* * *

Счастья свет для них погас.
И герой наш в исступленье
Повернул назад, коней,
Слов пустых во искупленье
На прощанье бросил ей.
Но Мария не слыхала.
Потеряв запас весь сил,
На холодный снег упала...
Сердце гром ее разбил.

* * *

Властелин монаршей кости
Каждый день торжествовал,
Веселился; и со злости
За рубеж Руси согнал
Дворянина молодого
За свободные мечты

И гласил в указе строго,
Чтоб ногой родной черты,
В дни монаршеской управы,
Прикасаться он не смел.

* *
*

О потере Силой славы
В высшем свете прогремел
Слух. Педанты все решили,
Что он тронулся с ума.
И сановники твердили
Что холодная тюрьма
Ум Дурнова ненормальный
Может скоро излечить.
Способ слишком уж банальный.
Дел им нам не улучшить.

* *
*

В старом сердце, с покон века
Русь две крайности хранит,
В дивных сказках человека
Каждый день боготворит.
Теоретик запоздалый
Утверждает, что мужик—
Политически отсталый
И к свободе не привык.
Он чуждается новизны.
Жизни старая стезя
Для него дороже тризны.
На Руси никак нельзя
Изменить основы строя,—
Утверждает, что наш рос

До свободного покроя
Светлой жизни не дорос.—

В день решительных сражений
Разночинец молодой,
Миру чуждых убеждений,
За восставшею толпой,
С возносящейся террасы
Зорким оком наблюдал
И на ус стремленья массы
Нерешительно мотал.
Он спокойно удалился
За границу — мы за ним,
Как лишь снова воцарился
Монархический режим.
Очень мало люди знали
За границею о нем.
Наши сверстники слыхали
Иногда сквозь шум о том,
Что как будто, кто-то с Марса
Взялся миру доказать,
Что совсем иначе Маркса
Мысли нужно понимать.
Русь убогая не знала
Ничего о том, что он
Затевал, и снова спала,
Погрузившись в крепкий сон.

* *
*

Петр с Сибирью распростился,
Дав ей в память ключ оков—
И весною очутился
У прозрачных берегов
Океана. Там стояли

Разных стран парохода.
Волны пристани лобзали;
Вдохновляла жизнь вода.
Петр окинул судна взглядом
И взошел на пароход,
Перед ним стояли рядом
Океан и небосвод.

* * *

Пароход его пустился
С багажем в далекий путь.
Петя небу поклонился,
Что он мог вольней вздохнуть.
Вот корабль его понесся
По волнам на всех парах,
Режет волны, раздается
Гладь воды; шипит в котлах.
Свежий ветер повевает,
У руля стоит матрос.
И вокруг судна летает
Неустанный альбатрос.
Над судном кружатся чайки,
Диким голосом пищат.
В корабле болты и гайки
От ударов волн трещат.

* * *

Мчатся волны за волнами,
Ударяют по судну,
Подымаются горами
И опять идут ко дну.
Солнце яркое сияет

В светло-синих облаках
И лучи свои купает
В кристалических волнах.
На хрустальном фоне света
Пробегает дивный блеск,
Можно видеть без лорнета.
Раздается шум и плеск.
За волнами небосводы
Образуют темный круг,
Опускают ноги в воды.
Не видать нигде лачуг.
Океан сей льда не знает,—
Он всегда водой шумит,
Волны страшные качает,
С небесами говорит.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

За широким океаном
Петр Иванович узнал,
Что свободный край бурьяном
Уж зарос, и идеал,
Им лелеянный доныне,
Уж давно людьми забыт,
Как цветок в сухой пустыне,
Принесенный в старый быт.
Петр по странам всем скитался—
Жизнь и нравы изучал,

В двери истины стучался,
Корня бедствия искал.

* *
*

Он был немцем и поляком,
Русским, шведом — иногда
Чехом, греком и словаком,
Аагличанином, когда
Принцип истины священной
Пред'являл свои права
И идеи неизменной
Философские слова
Нужно было где угодно
В жизнь живую превратить,
Чтоб жилося всем свободно,
И мечты осуществить.
Петя пользовался славой
В круге мыслящих людей,—
Кто клеймил режим кровавый
Мести царских палачей.
Но иные презирали,
Преклоняясь перед ним,
Опасаясь, воспевали...
Он был слишком нелюдим,
Но любил земному миру
Вечно правду говорить,
Нанести удар кумиру
И людей боготворить.

* *
*

Мысли Пети залетали
Далеко за наш прогресс
И источника искали
Новой жизни средь чудес.
Кто из нас в младые годы

Не мечтал подняться в высь,
Чьи мечты под небосводы
В дни расцвета не рвались.
И блажен был тот, чьи мысли,
Средь туманов вековых,
Красной лентою повисли
На планетах световых.
Маша скоро услыхала,
Что Петра судьба спасла
И от радости порвала
Цепи; в вечность их снесла.
И права свои решила
Головою отстоять.
Светлым взглядом озарила
Русь — страдальческую мать.
От холодного востока,
Как вечерняя заря,
Светом бдительного ока
Фосфорически горя,
Как луна по небосклону,
На большом она челне,
Глядя вдаль по океану
Мчалась к чуждой ей стране.

* *
*

В голове ее мелькали
Бурно мысли чередой
И пред нею воскрешали
Старый русский грозный бой.
Иногда в ум пробиралась
Сказка славной старины,
И свобода улыбалась
Ей неведомой страны.

Океан весь волновался,
Грозно волнами шумел;
Злой тиран в крови купался—
Кровожадностью горел.

* *
*

Бог войны сам в это время
Проносился над землей
И раздора злое семя
Сеял щедрою рукой.
На спине народной Каин
Пушки молотом ковал,
И кровавой битвы воин
Всех в мундиры одевал.
Над главой Европы тучи
Разрушительной грозы
Собирались. Муж могучий
И военные тузы
Поклонялися кумиру,
Кто приказы отдавал,
Чтоб народ по всему миру
Меч, винтовку и кинжал
Безо всяких рассуждений
В руки собственные взял
И без слез и сожалений
Род свой в поле истреблял.
Скоро вдвинув ногу в стремя,
Мир с копьем в руке скакал
И войны грядущей бремя
На спине своей держал.
На груди его свободной
Красовался братства крест.
В глубине души народной

Клокотал живой протест.
Только не было героя
Заявить об этом вслух;
От пылающего зноя
Охладить народный дух.

***

Ветр загадочной стихии
Властной силой вольных волн,
Мир волнующей Марии
К берегам причалил челн.
Марья Павловна вступила
В край, где жил чужой народ
И с досадою вкусила
Сладкой правды горький плод.
Маша с первых дней узнала,
Чем далекая страна
Старый свет очаровала.

***

По наружности она,
Светом золота сияла,
Но на дне душевных чувств
Пустотой всегда зияла.
Изобилием коцунств
В наши дни она гордилась,
Ложь на праведный алтарь
Приносила. Ухитрилась
Мерить совесть на доллар.
Неприветливые своды
Задымившихся небес
Не шептали слов свободы

Новой гостье. Грустный лес
Не приветствовал ветвями
Героини. Как у нас,
Пред своими господами
Преклонялся бедный класс.

* *
*

Обращались грубо с нами;
Презирали. Высший свет
Налощенными устами
Воспевал лишь наш балет.
Чашу горького страданья
Гражданин убогий пил,
Жалкий вид существованья
На земле своей влачил.
Над подавленной толпою
Властелин чинил свой суд
И преступною рукою
Собирал народный труд.

* *
*

Покровители культуры
Поклонялися тельцу
Злата. Пламенной натуры
Дева, певшая венцу
Идеала дифирамбы
И писавшая в типи
На эмблеме черной ямбы,
Всеми фибрами души
Возмутилась против гнусных
Лицемерий и речей:
Отпечатанных и устных

Кровожадных палачей.
За такое возмущенье
Властелин ей не простил
И в сырое помещенье
За решетку заточил.

* *
*

В это время муж гуманный
В белом доме заседал
И Марии слишком странный
План свободы предлагал.
Он писал ей деликатно:
— Если вы благой совет
Мой примете и обратно
Возвратитесь в старый свет,
Дав обет, что за пределы
Процветающей страны,
Чьи убийственные стрелы
Символ славной старины
Защищают, вы уйдете,
Прекратив, нам чуждый, шум,
И с собою унесете
Яркий свет свободных дум,
Как лишь только распахнутся
Двери черные тюрьмы,
На челне своем проснутся
Все матросы у кормы,—
То велю я из темницы
Вас сейчас освободить
И чрез воды и границы
В край отцовский пропустить.

* *
*

Речь великого вития
Не проняла чувств ее,

И упрямая Мария,
Отвечая на на нее,
Хладнокровно заявляет,
Что отечества она
На земле средь стран не знает,
Хоть в России рождена...
. . . . . .

* * *

— С юных лет не почитаю
Возведенных в сан я лиц;
На ковре земли не знаю
Ни пределов, ни границ.
Я, как птица, пролетаю
По горам и по долам;
На челне своем гуляю
По бушующим волнам.
Вольный, бурный и безбрежный,
И хрустальный океан,
Свет лазури белоснежной—
Для меня природой дан.

* * *

— Я вольна, как в поле птицы,
Как орлица в небесах,
Как поющие синицы
В рощах, чащах и лесах.
В вашем обществе моралью
Называется дебош,
Лишь бы был прикрыт вуалью,
Плутом купленной на грош.
Вы живете для желудка
И физических страстей.

Я — для мысли и рассудка,
И общественных идей.
Вами созданных законов
Я совсем не признаю...
Это доблести драконов...
Я свободе гимн пою.
Вы к застенку приковали
Властью пленницу свою—
И тем самым увенчали
Мысль свободную мою.

* *
*

Пахло кровью. Дух проклятый
Всем войны сигнал давал;
Петр Иванович, об'ятый
Скорбью, вслух протестовал.
Гордый юнкер ополчился,
Чтобы мир весь победить;
Росс колом вооружился
Серба в битве защитить
Джан Булль хитро, как лисица,
Скромным хвостиком вилял.—
Улыбался, как девица
И войска подготовлял
Для кровавых столкновений;
Не дремал с ружьем француз,
Итальянец был двух мнений,
Надевая свой картуз.

* *
*

Скоро залпы затрещали,
Кайзер двинулся в Париж,

И французы закричали:
„Погибаем!“ Свой престиж
Кайзер в день до небосклона
Грозной силою поднял,
Флот могучий Альбиона
„Субмариной“ запугал.
Но поднявши вверх дубину,
Возмутился сильный росс
И удар германцу в спину
Поразительный нанес.

*
* *

Он, казалось, триумфально
Вступит с армией в Берлин,
Но над сценой моментально
Появился Цепелин —
И узнал его все планы.
И в Мазурских озерах
Враг, заняв вокруг курганы,
Сразу в топких болотах
Сотни тысяч русской рати
В легкой схватке потопил.
Стыдно было нашей знати.
Командир наш отступил,
Уводя полков остатки
До своих родных болот.
Под Пшемыслом были схватки
Русских с венграми. И вот—
Мы стремясь занять Карпаты,
Дали огненный сигнал
Страшной битвы, и бригады
Двинул храбрый генерал.

В битву ринулись гусары
И пехотные полки.
Смело дралися мадьяры,
Обнажив свои штыки.

* *
*

Никогда мир равной битвы
С высоты не наблюдал;
Стонов, ропота, молитвы,
Слез и крови между скал
Гор Карпатских — он до ныне
Не слыхал и не видал.
По штыкам булатной стали
Кровь горячая текла,
Сабли острые сверкали,
Как блестящий вид стекла.
Пушки злобно грохотали,
Эхо гул вдали стонал,
Скалы гор в выси дрожали;
Стонам бог войны внимал,

* *
*

Пули в воздухе свистали,
В поле вышедших людей
С страшною яростью пронзали;
На коне скакал злодей.
Трупы сотнями катились
По крутым обрывам гор,—
В глубине ложбин ложились
На пылающий костер.
Все, забыв идею братства
И горя огнем страстей,
Гдели наглостью коварства;

По горам людских костей
С кровожадностью ходили,
Не щадя топтали прах
Павших в битве, наводили
На весь мир кошмар и страх.

* * *

Идеал и честь отчизны
Призывая защищать,
Палачи кровавой тризны
Собирались решать,
Как бы больше жертв заветных
На алтарь войны принесть,
Умертвить идей бессмертных
И попрать свободы честь.
Кубок сладостных тщеславий
Выпив радостно, кумир
Пригласил на пир кровавый
Весь безумный старый мир.

* * *

Вихорь дикой, грозной сечи
Закружился на полях,
Градом сыпались картечи,
Мародеры на конях
По деревням пролетали,
Оставляя мести след;
Люди жалобно рыдали,
Утопая в море бед.
И на нашем белом свете
Не осталося угла,
Где б обильно по планете

Кровь рекою не текла.
Вся Европа застонала,
Корчась в муках старины
И проснувшись зароптала
На последствия войны.

***

Орд разгульных авантюры
И кровавый их дебош
Превратили цвет культуры
В кучу порванных калош.
Там, где раньше возносился
Культ, как славный исполин,
Ныне жертвенник дымился
Дикой битвы средь руин.
Старец босыми ногами
По развалинам шагал
И горячими слезами
След кровавый орошал.

***

Он глядел, как кровь струилась,
Засыхая на крестах,
Тень кошмарная ложилась
На руины, тленный прах
В глубине земли таился.
Уж ему не снились сны.
Пировал и веселился
Бог убийственной войны,
Поглотивший миллионы

Жертв по воле королей.
Раздавались **крики, стоны**
Павших в битвах средь полей.

* * *

Истерически рыдала
Над могилой сына мать
И могилу обнимала,
Чтоб к груди своей прижать
Тело сына, и любовью
Жизнь в нем снова воскресить,
Перед Богом грех свой кровью
Материнской искупить.
О, Создатель всей вселенной!
Неужели без крови
Быть не может в жизни бренной
Человеческой любви.

* * *

Сына в битву провожала,
Осеняя мать крестом,
И на помощь призывала
Бога. Дряхлая потом
Перед миром всем призналась
В непростительных грехах,
Но пред Богом не поклялась,
Что войны кровавый прах
Отряхнет от ног с презреньем,
И на жертвенник не кровь
Принесет с благоговеньем,
А священную любовь.

* * *

Я пишу не в назиданье
Добрых, юных матерей,
Но благое воспитанье
Восприимчивых детей
Ведь от умных наставлений
Их зависит в наши дни.
От безумных вожделений
Мир избавят лишь они.
Их природа наградила
Славной честью матерей
И доверчиво вручила
Воспитание детей.
Каждый матери обязан
За заботы детских дней
И до гроба тесно связан
Нитью родственною с ней.

* * *

На Руси лихая доля
Петю в армию ввергла—
На кровавой сцене поля
Вновь коня ему дала.
В битвы с немцем по неволе
Он в дни мрачные вступил;
Вечно думая о воле,
В ночи темные не спал.
Дух чувствительный Доброва
Уж предчувствовал, что царь —
На краю паденья снова—
И решительный удар
Собирался царской власти
Нанести в день роковой.
Гнев горел, пылали страсти

В недрах массы трудовой.
Изнывая без подруги,
Пику, шпоры, ранец, меч,
Шнур, мундир и все заслуги
Петр готов сорвать был с плеч,
— О, Мария! мы с тобою
Не видались много лет,—
Он, дрожащею рукою
Сочиняя ей привет,
Говорил, — промчались годы
И мгновенья прошлых лет,
В муках корчатся народы...
На земле свободы нет.

* *
*

Солнце с неба перестало
Миру дикому светить.
У меня уже не стало
Больше мочи мир будить.
За широким океаном
Вижу, ты стоишь одна,
Как за облачным туманом
Восходящая луна.
На лице твоем играет
Жизнь волшебной красотой,
На глазах огонь пылает,
Кудри стелются волной.

* *
*

Скоор-ль ветер мрак рассеет,
И придет на двор весна?
Солнце яркое согреет
Жизнь у светлого окна?
И в об'ятьях темной ночи,
Ярким пламенем горя,
Озарят твои нас очи,
Как вечерняя заря?

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

В мире скорби и печали,
Где текла рекою кровь,
Искры счастья засверкали
Для томившихся рабов.
Под восточным небосводом,
Где проснулся Петроград,
Многочисленным народом
Поражен был ретроград.
Озарился ярким светом
Весь восточный небосвод
Мир торжественным приветом
Награждал весь наш народ.
Царь Романов, испугался,—
На отрезанном пути
От короны отказался.
Уж пришла пора сойти
С одряхлевшего престола.
Весь народ вольней вздохнул,
В вечность канула крамола,
И бедняк на свет взглянул.
Петр от радости великой
В землю штык стальной вонзил

* * *

И затеянную кликой
Битву сразу прекратил.
Утопавшему народу
В крови — мира дал сигнал
И за правду и свободу
Знамя черное поднял.
Но благой его идеи
Юный мир понять не мог,
И покорные пигмеи
Пред тузами гнулись в рог.

* *
*

Дверь темницы распахнулась,
Ворвалось сиянье дня,
Маше радость улыбнулась
Ярче красного огня.
Дева вышла из темницы,
Выше мира вознеслась
И быстрее вольной птицы
К океану понеслась;
Взяла челн и в путь пустилась,—
К милым, светлым берегам,
Грозным вихрем проносилась
По бушующим волнам.

* *
*

Волны к небу подымались,
Где исчез густой туман,
И мгновенно опускались
В безграничный океан.
За волнами плыли зыби,
Подымая шум и плеск;

Становилися на дыбы,
Образуя дивный блеск

* *
*

Брызги градом вверх летели,
Фосфорически искрясь;
Кристалически блестели,
Перед солнцем суетясь.
Пена белая шумела,
Как сияющий хрусталь.
На воде огнем горела
Золотистая эмаль.
Что-то Маше все шептало,
Точно ангел с небеси,
И отраду предвещало
На проснувшейся Руси.
Маша гордыми шагами
На простор Руси взошла
И свободными устами
Речь с холма произнесла.
Солнце мило улыбалось,
В грудь струилась жизни сласть,
И на улице валялась
Всеми брошенная власть.
Сила Пудович пытался
Власть к рукам своим прибрать
И на трон было взобраться,
Но никак не мог поднять.

* *
*

Петр по всей Руси советы
Пролетарские создал

И на знамени заветы
Вольной жизни начертал.
Разночинец белой кости
Наблюдательный пришел,—
К старой двери новой власти
Ключ потерянный нашел.
Он смотрел, как веселилась
Молодая голытьба:
Кровь потоками струилась,
Раздавалася стрельба.

* * *

Петр порядок социальный
Старой жизни упразднил;
Лозунг новый, идеальный
На Руси провозгласил.
Начертал он на статуе:
„Не трудящийся — не ест.“
Тунеядцы и буржуи
Вместе вынесли протест
Против лозунга такого.
Он им был не понутру.
Для буржуя молодого
Нужно было по утру
Слишком рано одеваться
И трудиться целый день.
Ну, легко ли исправляться?..
И к тому томила лень.

* * *

В Петрограде заседали
Разных партий вожаки

И вопросы обсуждали...
Их решений мужики
В деревнях не ожидали.
— Там болтают,.. Что за вздор!—
Хладнокровно заявляли
Хлеборобы, — лишний спор
Нам не нужен, — и делили
Грунт имений в деревнях,
Суд над барами чинили,—
Баре прятались в лесах.

* *
*

— Ты чего, Степан, зеваешь?
Землю барскую дели.
Наша... Что,.. не понимаешь?...
Не дает? Штыком коли,—
Чей-то голос раздавался,
— Вот он — с фронту пулемет!
Угостим, брат, коль зазнался—
Сотня пуль его проймет.
Вот тогда он правду взвесит
И услышит, как мужик
Слово крепкое отвесит ..
На тебе, брат, острый штык.

* *
*

Кто-то крикнул, — поп дал тягу.
Церковь — в праздный день пуста.
Мужики, собрав ватагу,
Шли в богатые места
Забирать все, что там было,
И тащить в свое село:

Мебель, зеркала и мыло...
— Вот так счастье нас нашло, —
Землепашцы говорили,
Забирая лошадей,
В барском доме водку пили..
Кто-то гнал домой гусей.

* *
*

Люди вечно суетятся,—
Раздается крик и гам:
„Эх, позвольте разгуляться
На просторе батракам!
Веселитесь!.. Наша взяла!..
После нас не будет нас...
Цепи рабства Русь порвала
И настал блаженный час
Прочь с дороги, тунеядцы;
Разгулялась беднота.
Раазгулялись землепашцы;
Веселится темнота.

* *
*

Все заводы конфискует
Пролетарий в городах.
Бедный классс везде ликует—
На дворян наводит страх.
Впереди оркестр играет.
Петр поднял в высь черный флаг.
Вслед за ним толпа шагает,
Сохраняя стройный шаг,
Гласу Пети весь мир внемлет
И волнуется кругом.

Пораженный враг не дремлет.
Он следит за всем тайком.

* *
*

Массы шумно волновались,
Как безбрежный океан;
Над толпою развивались
Флаги красные, как лан.
Разночинец заурядный
Гяд восстаний предвещал;
Миру счастья куш громадный
После битвы обещал.
Он разгулы буйной страсти
И эксцессы поощрял,
Чтобы вырвать возжи власти
У соперников. Стоял

* *
*

За народные советы,
Власть советов на местах,
За безвластные заветы...
И за все, что на низах
В область жизни выливалось,
Разрушая старый строй,
И толпою предлагалось
Для вступленья в грозный бой
С мощной силой капитала,
С кликой гордых королей,
С массой старого закала,
Потерявших власть людей.

* *
*

Ничего не замечая,
Петр толпе повествовал,
Что для ней земного рая
День блестящий не настал.
Безграничной воли знамя
Он до неба подымал,
И в народе бунта пламя
По Руси всей зажигал.
Маша Петю подкрепила —
И остатки старых скал
В пыль ударом превратила.
Остов новой власти пал.

* *
*

И свобода вдруг достигла
Апогея. Просиял
Мир. Но скоро Русь постигла
Катострофа: застонал
Бедный класс под игом рабства
Новой власти, как и встарь.
Канул в вечность лозунг братства.
Над страной повис кошмар.
Разночинец власти новой
Дверь ключом своим открыл,
Дисциплиною суровой
Весь народ поработил.

* *
*

Он побил рекорд стихии,—
Ликования фурор
Многостраждущей России
Превратил штыком в террор.

Петр напрасно восклицая,
В беспощадный бой вступал
И, на жертвы не взирая,
Царство власти разрушал.
От осколочных советов
За такую благодать
Слишком колких эпитетов
Получил он дюжин пять,

* *
*

Сила Пудович от злобы
Старый мир на помощь звал.
Петя мрачные трущобы
На руинах расчищал.
Он по прежнему Россию
От врагов всех защищал;
Горячо любил Марию;
Интервентов отражал.
Перед старым грозным миром,
Отстоял свой идеал,
Но пред новым он кумиром
План и лозунг потерял.

* *
*

Он теперь с недоуменьем
На события глядит.
Дух его об'ят сомненьем,
И отвага крепко спит.
Тяжела ему кольчуга,
Не наточен острый меч.
В ком он раньше видел друга,
Тот с его широких плеч

Уж главу своей рукою,
Как палач, снести готов;
На лету пронзить стрелою
Опустить в родную кровь.
О, с какой надеждой билось
Сердце русское в груди!
Сколько радостью светилось
Дней прекрасных впереди.!
О, как счастьем был усеян
Для Руси свободный час!
Как был нами возлелеян
Долгожданный день для нас!
А теперь... Уж все надежды
Разлетелись в пух и прах.
Веселятся лишь невежды
И — в предательских рядах,
Разночинец, взяв власть в руки,
Класс трудящийся ввергнул
В море горя, бед и муки,
Красным флагом рот заткнул.
В реках крови, в звуках стонов
Перл свободы утонул,
И под гул церковных звонов
Крепким сном народ уснул.

* * *

Петр запутался в тенетах
Им возлюбленных идей
И не верил в им воспетых
И прославленных людей.
„Все напрасно суетятся,
Оскверняют душу злом
И без цели вдаль стремятся—

Жизнь течет своим руслом.
Миру пыль в глаза пускает,
Молодой идеалист,
Что всю жизнь он воплощает,
И душой, как ангел чист."

* * *

Петя, в жизни не нашедший
Ничего, бросает взгляд—
Видит, — каждый, в даль ушедший,
Быстро пятится назад.
Он как будто все, как демон,
Победил и покорил,
А посмотришь — на земле он,
Ничего не совершил.
Правда, старое разрушил
И проклятию предал;
Все традиции нарушил...
Но создать ведь не создал
Ничего для обновлений
Жизни. Он не знает, как
Быть с толпою старых мнений,
Чтобы в старый вновь просак
Не попасть и горькой доле
Счастья жизни не предать.
Жить-то хочется на воле,
Но боится он восстать.

* * *

Буря бунтов и восстаний
На Руси поднялась вновь
Против красных воссозданий

Рабства, пыток и оков.
Раньше Петр на бранном поле,
Сжатый голода кольцом,
Дав обет народной воле,
Не ударил в грязь лицом.
Сбросив цепи вековые,
Он вступил в жестокий бой,—
Вражьи силы — мировые
Поразил своей рукой.
И стоял непобедимый
Перед миром великан,
Как ни кем не устрашимый
Вольный бурный океан.
А теперь он изумляясь
На события глядит
И глубоко возмущаясь,
Ничего не говорит.
Зеленеющие ивы,
Рощи, чащи и луга;
Ширь, леса, златые нивы,
Горы, реки, берега,—
Вся краса живой природы,
Где он в детстве прозябал,
И о царствии свободы
Вечно думал и мечтал,—
Вновь манят его красою
На раскинутый ковер,
Весь покрытый стариною,
Украшающий простор.

* * *

Дни и ночи пролетали,
Новой власти палачи

Цепи красные ковали,
Воли светлые лучи
Беспощадно изгоняли
С кровью дышащей Руси,
Непокорных истребляли,
Возвращаясь по стези,
Красной кровью обагренной,
К рабству памятных времен.
Люди шли с свечой зажженной
В рай земной с красой знамен.

***

Дни прошли. Пора настала
Рабства нового. Увы—
Русь в дни смуты потеряла
Лишь корону с головы.
Без короны воцарился
На земле Руси тиран,
С старым миром подружился,
Русь сковал, как старый хан.
Наши чаянья скатились
С горизонта, как туман;
И мы снова очутились
Позади культурных стран.

***

Все мечты Петра разбились
О твердыни старых скал
Новой власти, сокрушились
Силы, рухнул идеал.
Он без веры и надежды
Знамя бросился спасать,—

Пал в бою, — сомкнулись вежды,
Жизнь потухла. Не видать,
Русь встряхнувшего героя
На земле: он утонул
В крови собственной, в день боя.
Легче враг его вздохнул.

* *
*

Он ушел под небосводы
Не за Русь, не за славян.
А за светлый луч свободы
Угнетенных многих стран.
Весть печали промелькнула,
И герой навек почил.
Тяжело вся Русь вздохнула;
Траур мир весь огорчил.

* *
*

Пал герой великий в битве
За священный идеал,
Но в предсмертной нам молитве
Ничего не завещал.
Нерешительность сгубила
Молодого бунтаря.
В недра приняла могила
Тленный труп богатыря.
Спит герой сном непробудным
В глубине сырой земли,
Шлем со знаком изумрудным
Заржавел уже в пыли.

* *
*

И „товарищами“ в крепость
Маша вновь заточена
За протест царит свирепость
Чрезвычайки. Жизнь полна
Слез, трагедии и муки,
И беспомощная Русь
Простирает к миру руки.
Я отчизной не горжусь.
Бросил чванство, покорился
Сила с горкою судьбой,—
Разночинцу поклонился,
Не вступая больше в бой.

***

На сияющие зори
Жизни зорко я гляжу
И жемчужные узоры
В их сиянье нахожу.
Ветер жизненный рассеет
Русь окутавший туман
И народ весь сразумеет
С ног сшибающий обман.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

стр.

Глава I. Деревня 9
(Петр в деревне).
Глава II. Осень. 17
„ „ Зима. 19
„ „ Весна. 22
Глава III. Павел Тихоныч Орлов
и его семья. 21
„ „ Марья Павловна Орлова 28
„ „ Сила Пудович Дурнов 34
Глава IV, Диалог Маши и Петра . 42
„ „ Ключи счастья.
(Песня Доброва). 47
Глава V. Маша в деревне, Жизнь
Дурнова в имении и поезд-
ка Петра в Петроград. . . 62--78
Глава VI. Город. 88
„ „ Песня батрака. 94
Глава VII, Смута 1905--6 г. . . 103--124
Глава VIII. Наступление реакции 124
Глава IX. Ссылка Петра и Марии
в Сибирь. 138
Глава X. Петр и Мария заграницей. 158
ГлаваXI. Революция 1917 г. 175
(Свержение монархии и боль-
шевистский переворот).